

Шевчук А.В.

ПОСТФОРДИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
(критический анализ)

Казань
2000

Рецензент: доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Ю.Н. Попов

Работа посвящена анализу постфордистских концепций, представляющих интенсивно развивающееся, однако малоизвестное в России, научное направление в исследованиях социально-экономического развития. Рассматриваются основные методологические подходы (теория регуляции, концепция гибкой специализации, нешумпетерианские концепции), а также актуальные вопросы постфордистской проблематики.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов экономических и обществоведческих специальностей.

Оглавление:

Введение	4
РАЗДЕЛ I МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТФОРДИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ: КЛАССИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ	7
1. Теория регуляции	7
2. Концепция гибкой специализации	22
3. Неошумпетерианские концепции	26
РАЗДЕЛ II ТРАЕКТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СВЕТЕ ПОСТФОРДИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	29
1. Новая производственная парадигма	29
2. Региональное развитие в эпоху постфордизма	35
3. Политика постфордизма	40
РАЗДЕЛ III КРИТИКА ПОСТФОРДИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	47
1. Концептуальный дуализм	47
2. Континуальность и изменения	50
РАЗДЕЛ IV РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕОРИИ	54
1. Место постфордистских концепций в футурологических дискуссиях	54
2. Категории анализа	58
3. Основные методологические принципы	69
Заключение	71
Литература:	76

Введение

Период с середины 70-х гг. XX века характеризуется целым рядом новых явлений и процессов, позволяющих говорить об эпохальной социально-экономической трансформации, переходе к новому витку общественного развития.

Отечественным исследователям знакомы уже обозначившиеся основные концептуальные трактовки разворачивающегося этапа исторического процесса. Так, широко известная теория постиндустриального общества делает упор на быстрый рост сектора услуг и информационную революцию¹, теория постмодернизма прослеживает культурную трансформацию, противопоставляя грядущую эпоху модернизму, основанному на традициях просвещения², относительно молодая теория постэкономического общества предвещает упадок экономической эпохи, в которой главным мотивом человеческой деятельности выступают материальные интересы³.

Гораздо менее известны в России так называемые «постфордистские дебаты», которым за рубежом (прежде всего в западноевропейских странах) уделяется значительное внимание: издаются монографии, читаются специальные курсы, ведется острая журнальная полемика⁴.

Объединяющим началом для различных концепций в рамках дебатов являются центральные категории «фордизма» и «постфордизма». Следует подчеркнуть, что в отечественной науке эти термины обычно используются применительно к организации производства, тогда как в рассматриваемых

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. и др.

² См.: Силичев Д.А. Постмодернизм: экономика, политика, культура. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 1998. и др.

³ См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia - Наука, 1998. и др.

⁴ В качестве журналов, наиболее часто обращающихся к постфордистской проблематике, можно назвать: *Economy and Society*, *New Left Review*, *Capital and Class* и др.

концепциях они включают в себя более широкий круг явлений, охватывая различные области экономики, политики и культуры. В этом смысле фордизм и постфордизм предстают как комплексные макросистемы.

Основоположником такого подхода можно считать итальянского марксиста Антонио Грамши. Именно он в 30-х гг. в работе «Американизм и фордизм» заложил основы понимания фордизма как целостного социально-экономического и культурного явления⁵. В конце 70-х гг. французский экономист Мишель Агльетта впервые применил этот термин для характеристики послевоенного этапа социально-экономического развития США⁶. Затем концепция фордизма была распространена и на другие промышленно развитые страны, а некоторые исследователи заговорили о «глобальном фордизме», «фордизме в мировых масштабах»⁷. Современные дискуссии относительно траекторий социально-экономического развития ведутся в терминах постфордизма⁸.

В настоящей работе мы надеемся частично восполнить существующий пробел и познакомить российского читателя с постфордистскими дебатами, развернувшимися в западной научной литературе. Наша цель – дать общее представление о постфордистских концепциях и подвергнуть критическому анализу их основные положения.

В первом разделе на базе классических работ анализируются особенности методологии трех основных направлений постфордистских дебатов: теории регуляции, концепции гибкой специализации и неошумпетерианского направления.

Второй раздел представляет различные трактовки перспектив социально-экономического развития. Особое внимание сконцентрировано на производственной парадигме,

⁵ См.: Gramsci A. *Americanism & Fordism* // *Selections from Prison Notebooks*. London: Laurence & Wishart, 1971.

⁶ См.: Aglietta M. *A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience*. London: New Left Books, 1979.

⁷ См.: Lipietz A. *Mirages and Miracles: the Crisis of Global Fordism*. London: Verso, 1987.

⁸ См.: *Post-Fordism*. / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.

региональном развитии и политических процессах в эпоху постфордизма.

Третий раздел посвящен разбору ключевых положений критики концепций: концептуальному дуализму и чрезмерному акценту на дискретном характере изменений.

В четвертом разделе автором предпринята попытка реконструкции теоретического подхода на основе вычленения наиболее ценных методологических положений: обозначено место постфордистских концепций в общих дискуссиях относительно характера происходящей социально-экономической трансформации и их познавательные возможности, упорядочен категориальный аппарат, определены основные исследовательские принципы.

Заключение представляет собой тезисное изложение основного содержания всей работы.

Хотелось бы сразу заметить, что основное внимание сосредоточено на различных подходах к концептуальному обоснованию логики социально-экономического развития, а не на доскональном воспроизведении всех моментов экономической истории XX-го столетия. Автор отдает себе отчет в том, что при заданном объеме невозможно охватить весь спектр проблем, поэтому остановимся на главных, наиболее полно разработанных в литературе и ярко передающих специфику постфордистских дебатов вопросах.

РАЗДЕЛ I

МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТФОРДИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ: КЛАССИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

1. Теория регуляции

Наиболее влиятельной среди постфордистских концепций является теория регуляции⁹. Именно она ввела в научный оборот категории «фордизма» и «постфордизма» и инициировала полемику, в которой до сих пор задает тон.

Теория регуляции зародилась во Франции в середине 70-х гг. и знаменует возвращение к традициям политической экономии. Некоторыми исследователями она даже рассматривается как «доминирующая школа политической экономии в современной социальной науке»¹⁰. Отправной точкой для регуляционистов является «феномен влияния всего комплекса общественных отношений на экономические закономерности»¹¹. Теоретические подходы в категориях регуляции вдохновляются преимущественно марксистской традицией¹², обогащенной идеями кейнсианства и экономической истории (в духе французской школы «Анналов»). С теорией регуляции

⁹ Разнообразие существующих подходов позволяет говорить о «школах регуляции» или «теориях регуляции». Некоторые исследователи выделяют в рамках теории до семи различных направлений. (См.: Jessop B. Regulation Theories in Retrospect & Prospect // Economy and Society. Vol. 19 (2), May 1990.) Это научное сообщество включает специалистов по общественным наукам более чем из сорока стран, число его сторонников приближается к тысяче. С 1992 года все они объединены благодаря изданию «Листка регуляционистов» (La Lettre de la Régulation). (Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ. М.: Научно издательский центр «Наука для общества», РГГУ, 1997. С. 8.)

¹⁰ Byrne D. Social Exclusion & Capitalism: the Reserve Army Across Time & Space // Critical Social Policy. Vol. 17 (1), Feb. 1997. P. 29.

¹¹ Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ. С. 53.

¹² Отличительной чертой теории регуляции является то, что практически все ее сторонники относятся к «левому» политическому спектру. Так, например, во Франции развитие теории в частности связано с Французской компартией, в Великобритании – с Конференцией экономистов социалистической ориентации (The Conference of Socialist Economists). Отсюда и специфическая марксистская терминология («капитализм», «накопление», «воспроизводство» и т.п.).

смыкается целый ряд подходов, объявляющих себя не только неомарксистскими, но и постмарксистскими¹³.

Регуляционисты подчеркивают отличие своей теории от «ортодоксальных экономических доктрин». Неудовлетворенность регуляционистов базируется на двух основных упущениях «доминирующей экономической теории», сформулированных М. Агльеттой¹⁴. Во-первых, ортодоксальные экономические теории, в большинстве своем, неспособны анализировать экономический процесс во времени, т.е. они не могут объяснить процесс социально-экономического развития, так как направлены на исследование одной единой концепции – концепции общего равновесия и поэтому статичны. Экономические отношения определяются здесь как способы координации между заранее определенным и неизменным поведением субъектов, и все теоретические дискуссии строятся вокруг этих способов координации. Можно сказать, что большинство рыночных теорий исходит из неизменности структурных условий.

Во-вторых, ортодоксальные экономические теории не в состоянии выразить социальное содержание экономических отношений и, вследствие этого, интерпретировать социальные силы и конфликты в экономическом процессе. Однако необходимо помнить, что производство есть всегда производство социальных отношений, так же, как и материальных объектов. В процессе совместного труда людьми формируются определенные взаимоотношения, которые, в свою очередь, накладывают отпечаток на всю их жизнь, социальные различия, возможность саморазвития и т. п. Производственные отношения не являются простым рыночным взаимодействием равных субъектов, при их анализе регуляционисты исходят из того, что эти отношения носят частично контрактный, а частично – принудительный характер. По их мнению, социальная система основывается на принципах иерархии, а не на простой функциональной взаимозависимости, т.е. она

¹³ См: Steinmetz G. Regulation Theory, post-Marxism and the New German Social Movements // Comparative Studies in Society and History. 36 (1), Jan. 1994. и др.

¹⁴ Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation. P. 9.

«представляет собой пространство, структурированное отношениями по принципу качественной разницы и неравного влияния»¹⁵.

Эти недостатки «ортодоксальных экономических доктрин» приводят к концепции регуляции. Сам термин «регуляция» может быть интерпретирован, как минимум, в трех смыслах.

Во-первых, регуляцию зачастую понимают как регулирование и регламентирование, активное и сознательное вмешательство государства и других субъектов социально-экономической системы. В этом случае более логичным будет использование собственно термина «регулирование». При этом необходимо отметить, что регулирование несомненно является органической частью более широкого процесса регуляции¹⁶.

Во-вторых, возможно рассматривать регуляцию как самоорганизацию или саморегуляцию системы. Однако подобные заимствования из теории систем служат скорее метафорой и эвристическим принципом¹⁷. Такое понимание регуляции необходимо конкретизировать применительно к социально-экономической системе.

Более точный смысл регуляции можно понять только выяснив основную проблему, которой посвящены исследования регуляционистов. Таковой является воспроизводство «раздираемой противоречиями капиталистической системы» в долгосрочной перспективе. Иными словами, регуляционистов прежде всего интересует, как «капитализму» удастся развиваться, на каждом новом витке успешно преодолевая возникающие противоречия (при этом вопрос о его

¹⁵ Ibid., P. 19.

¹⁶ Французский термин *régulation* и его английский эквивалент *regulation* были переведены нами на русский язык как «регуляция» именно для того, чтобы отделить истинный смысл понятия его от более узкого термина «регулирование». Однако вплоть до самого последнего времени в русскоязычной литературе исследуемая теория именовалась «теорией регулирования» (См.: Полетаев А.В. Капитализм и рынок. Экономисты размышляют. М.: Наука, 1993.; Полетаев А.В., Савельев И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993.; Всемирная история экономической мысли. В 6-ти томах. Т.5. М.: Мысль, 1994. и др.).

¹⁷ Буаье Р. Теория регуляции. С. 59.

«неминуемом крахе» не ставится).

Таким образом, регуляция в третьем, более конкретном значении предстает как совокупность механизмов воспроизводства системы и ее преобразования, трансформации в долгосрочной перспективе. С другой стороны, термин подчеркивает совокупность процессов регулирования и саморегуляции.

Базовыми категориями анализа в теории регуляции являются «режим накопления» (accumulation regime) и «способ социальной регуляции» (mode of social regulation).

Режим накопления (РН) – «совокупность закономерностей, обеспечивающих общий и более или менее последовательный рост накопления капитала, то есть позволяющих устранять или рассредоточивать во времени деформации и неравновесия, постоянно порождаемые самим процессом накопления»¹⁸. Другими словами, – это макроэкономический режим, поддерживающий сбалансированные отношения между производством и потреблением. Имеется в виду взаимосвязь между трансформацией производства (производительность труда, степень механизации, сравнительная важность различных отраслей и т.п.) и трансформацией условий конечного социального потребления (структура спроса)¹⁹.

Важным компонентом системы накопления является (с немного разными оттенками значения) «модель трудового процесса» (labor process model) или «технологическая парадигма» (technological paradigm), или «доминирующая индустриальная парадигма» (dominant industrial paradigm). Это понятие описывает общие принципы управления трудовым процессом, включая внутрифирменную организацию трудового процесса, характер разделения труда, особенности технологий, типы занятости, систему определения зарплаты и т. п.²⁰.

Стабилизация системы накопления не обеспечивается исключительно экономическими компонентами.

¹⁸ Буайе Р. Теория регуляции. С. 83.

¹⁹ Lipietz A. *Towards a New Economic Order: Post-Fordism, Ecology and Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1993. P. 2.

²⁰ Ibid. P. 2

Воспроизводство становится возможным благодаря развитию привычек, социальных норм, определенной политической практики, законодательства и т. д. Эти институциональные механизмы или «структурные формы» представляют собой кодификацию социальных отношений и составляют «способ социальной регуляции» (ССР), который служит одновременно и для воспроизводства социальных отношений, и для стабилизации процессов накопления²¹. «Способ социальной регуляции» является своего рода «фирменной» категорией регуляционистов: основной акцент в их исследованиях делается именно на изучении институциональных изменений, сопровождающих накопление.

Следует отметить, что понятие «структурной формы» в теории регуляции относится к конфигурации институциональных механизмов на макроуровне (в отличие от «институтов» в понимании новых институционалистов, которые рассматриваются в основном на микроуровне). Это своего рода объекты регуляции, фундаментальные социальные отношения.

Регуляционисты выделяют несколько основных структурных форм, присущих современному «капитализму»²²:

- Деньги. По мнению регуляционистов, «деньги являются не конкретным товаром, а формой установления связей между центрами накопления, наемными рабочими и другими рыночными субъектами»²³. Таким образом, их видом (металлические и нематериальные, мировые и национальные и т. п.) и особенностями функционирования кредитно-денежной системы определяется способ связи между экономическими единицами. Большинство регуляционистов не рассматривает деньги как нечто нейтральное: «Деньги составляют неотъемлемый элемент воспроизводства рыночных систем, так что регулирование последних

²¹ Tickell A. The Social Regulation of Banking: Restructuring Foreign Banks in Manchester and London. Unpublished PhD Thesis. School of Geography, University of Manchester, 1992. P. 26

²² Буайе Р. Теория регуляции. С. 85-91.

²³ Там же. С. 85.

является в такой же степени денежным, как и реальным»²⁴. Динамика кредита и денег влияет не только на общий уровень цен, но и на процесс накопления, производство и состояние занятости.

- Отношения найма рабочей силы. Отношения найма характеризуются различными типами организации труда, особенностями механизма воспроизводства рабочей силы через образ жизни и т.п. Отношения найма – «результат фактических или институционализированных компромиссов, смысл которых можно понять только с учетом классовых союзов, возникших в ходе исторического развития каждой отдельно взятой страны»²⁵.
- Формы конкуренции. Конкуренция – своеобразный способ взаимодействия между центрами накопления, изменение конкурентной среды влияет на динамику и характер накопления.
- Способ присоединения к международному режиму. Здесь речь идет о совокупности правил, определяющих отношения между национальным государством и остальным миром.
- Формы государства. Формы государства, изменение его регулирующей роли также влияет на социально-экономическую динамику.

В рамках ССР выделяют также «способ социетализации» (mode of societalisation), характеризующий общество как единое целое, ставшее таковым, в силу определенных моделей массовой интеграции и социальной сплоченности. Термин включает в себя целый ряд социокультурных аспектов, в том числе стиль жизни, нравы, структуру семьи и т. п. В данном случае речь идет о регуляции «капиталистического общества» в целом.²⁶

Режим накопления и способ социальной регуляции формируют «способ развития» – модель устойчивого роста,

²⁴ Там же. С. 86.

²⁵ Там же. С. 88.

²⁶ Jessop B. Regulation Theories in Retrospect & Prospect. P. 158.

характерную для определенного исторического периода²⁷.

Подобные теоретические построения внешне напоминают классическую марксистскую конструкцию. Однако взаимодействие РН и ССР в теории регуляции принципиально иное. Регуляционисты считают, что «неправильно устанавливать жесткую связь между производственными отношениями и определенным этапом развития производительных сил»²⁸. Более того, они утверждают, что в рамках «капитализма» не существует единственного режима накопления или одного «правильного» способа социальной регуляции.

Такой подход отличает теорию регуляции и от многих направлений «нового» институционализма. Если в рамках последнего предпринимаются попытки отыскать несколько общих способов экономической координации, действующих в совершенно различных географических и исторических условиях, то, согласно теории регуляции, режимы функционирования экономики различаются во времени и пространстве²⁹. Таким образом, здесь основное внимание уделяется конкретным формам, принимаемым базовыми общественными отношениями в каждой исторической фазе данного общества.

Регуляционисты также считают весьма относительной зависимость жизнеспособности институтов от их экономической эффективности. «Происхождение институциональных форм связано с драматическими эпизодами истории, структурными кризисами, открытыми столкновениями между классами или социальными группами. И только позже каждой институциональной форме приходится доказывать свою совместимость с задачами экономического воспроизводства в

²⁷ Следует отметить отсутствие последовательности в употреблении термина «режим накопления». Иногда он используется в смысле «способа развития». В этом случае к макроэкономическому режиму применяют термин «система накопления». (См.: Tickell A., Peck J. A. Accumulation, Regulation & the Geographies of Post-Fordism: Missing Links in Regulationist Research // Progress in Human Geography 16 (2), 1992.)

²⁸ Буае Р. Теория регуляции. С. 78.

²⁹ Там же. С. 12.

течение более или менее длительного периода»³⁰.

Таким образом, эволюция режима накопления и способа социальной регуляции представляет собой «открытие новых шансов» (chance discovery)³¹. Такой теоретический подход имеет ярко выраженную историческую направленность. Теория регуляции утверждает, что невозможно точно предсказать периоды роста и кризиса и их временные рамки вследствие зависимости от специфических исторических условий. В этом состоит коренное отличие от теории длинных волн, где «длина» волны четко определена.

Регуляционисты выработали собственную периодизацию социально-экономического развития в XX веке (см. табл. №1).

До фордизма экономический рост осуществлялся на экстенсивной основе с помощью вовлечения в кругооборот дополнительных ресурсов (захват новых географических пространств, увеличение продолжительности рабочего дня и т.п.). «Экстенсивный режим накопления» дополнялся «конкурентным способом социальной регуляции», подразумевавшим либеральную политику невмешательства государства. Основная масса населения лишь частично была интегрирована в экономику в качестве наемной рабочей силы и ее роль как потребителя продукции была незначительной.

В основу зарождающегося «интенсивного режима накопления» легли организационные и технологические инновации Ф. Тейлора³² и Г. Форда³³, открывшие дорогу массовому производству, основывающемуся на таких принципах, как стандартизация продукции, механизация производства, научный менеджмент (тейлоризм), конвейер.

³⁰ Там же. С. 10.

³¹ Lipietz A. Mirages & Miracles. P. 15.

³² См.: Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991

³³ См.: Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.

Таблица № 1. Фазы накопления и регуляции

	...- 1913	1914-1945	1946-1973	1974-...
Режим накопления	Экстенсивный	Появление интенсивного	Интенсивный (фордистский режим)	Кризис фордистского Появление гибкого? Неофордизм?
Способ социальной регуляции	Конкурентный	Кризис конкурентного	Монополистический (административный, фордистско-кейнсианский)	Кризис монополистического Появление: неоконкурентного (неолиберального)? неокорпоративного? неостейтистского?

«Научная организация труда» Ф.Тейлора существенно повысила его производительность, однако при этом большинство работников все еще не являлось потребителем производимых товаров.

Символической датой рождения фордизма считается 1914 г., когда Форд ввел пятидолларовый восьмичасовой рабочий день, чтобы у рабочего появилось достаточно средств и свободного времени для потребления товаров массового производства (см. табл.№2). Форд понимал, что массовое производство и массовое потребление подразумевают новую систему воспроизводства рабочей силы, новую политику управления и контроля труда, новую эстетику и психологию, т.е. новый тип рационализованного, модернистского и популистского демократического общества³⁴. Признанием заслуг Г. Форда объясняется то, что целый этап общественного развития был назван в его честь³⁵.

Однако целый ряд факторов (медленное формирование массового рынка, сопротивление рабочих тейлоризму, слабая роль государства в регулировании экономики и т. п.) сдерживал развитие фордизма. Великая депрессия окончательно высветила несоответствия конкурентного ССР потребностям нового производства.

Противоречия были преодолены после второй мировой войны благодаря так называемому «фордистскому компромиссу»³⁶, суть которого заключается в том, что

³⁴ Harvey D. The condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Blackwell, 1989. P. 125.

³⁵ См.: Шевчук А. В. Фордизм как этап общественного развития // Труд и социальные отношения. 1998. Приложение №3.

³⁶ Следует обратить внимание на разницу между терминами «фордистский компромисс» и «социальное партнерство», которые используются, по сути, для описания одного и того же явления. Теория регуляции подчеркивает, прежде всего, конфликтность интересов работодателей и наемных работников – интересов повышения производительности с помощью фордистских технологий и интересов личности, стремящейся к творческому труду. Слово «компромисс» отражает элемент «сделки», в которой каждая сторона не только приобрела определенные выгоды, но и пошла на существенные уступки. Напротив, обычно употребляемый термин «социальное партнерство» скрывает эти противоречия и создает иллюзию изначальной гармонии интересов.

наемные рабочие согласились принять новые методы труда и их негативные последствия (дегуманизация, отчуждение и т.п.) в обмен на более высокий уровень жизни, а работодатели – поделиться с рабочими частью прибыли от возросшей производительности (см. табл. №3).

Примечательно, что «национальные правительства совершенно разной идеологической направленности – де Голль во Франции, лейбористская партия в Англии, христианские демократы в ФРГ – приложили все усилия для достижения компромисса и обеспечивали экономический рост и рост уровня жизни посредством реализации «государства благосостояния», кейнсианской модели управления спросом и контроля за отношениями найма»³⁷.

Таким образом, сложился новый «монополистический», «административный» или «фордистско-кейнсианский» способ социальной регуляции, который в сочетании с «интенсивным» режимом накопления позволил развить беспрецедентные в истории темпы экономического роста, приблизиться к полной занятости и достичь высокого уровня благосостояния населения.

Вообще господство фордистских принципов выходило далеко за рамки экономической системы. В политике, например, они проявлялись в существовании массовых политических партий и движений, государстве благосостояния, где идея стандартизированного продукта получила демократическую интерпретацию как универсальная услуга для удовлетворения одинаковых базовых потребностей³⁸. В сфере культуры эти принципы можно обнаружить в «американском» стиле жизни, функциональной эстетике, монументальной архитектуре и т.п. (см. табл. №4).

³⁷ Harvey D. The condition of Postmodernity. P. 135.

³⁸ Murrey R. Life after Henry Ford // Marxism Today. 1988. October. P. 9.

Таблица № 2. Дофордистское и фордистское потребление

	до фордизма	фордизм
Структура спроса	Спрос высших слоев, малая часть общества допущена до потребления, чрезвычайная бедность населения	Спрос масс, сравнительно высокий уровень жизни
Тип семьи	Расширенная семья (сосуществование под одной крышей нескольких поколений, родственников), нестабильность домашнего хозяйства	Нуклеарная семья (только родители и их дети), стабильность домашнего хозяйства
Домашний труд и потребление благ	Большая доля домашнего труда, производство благ в домашних условиях	Замена прямого домашнего труда времясберегающим оборудованием (пылесосы, стиральные машины и т.п.), потребление благ
Нормы потребления	Отсутствие стабильных норм потребления	Нормы потребления, определенные стандарты и привычки потребления
Стили жизни	Разнообразие стилей жизни	Всеобщий американский стиль жизни, гедонистическая концепция счастья связанная с потреблением большого количества товаров.

Таблица №3. Фордистский компромисс

	Выгоды	Обязательства
Профсоюзы представляют интересы наемного труда	<i>Высокий уровень жизни.</i> Высокая зарплата и развитая система социального страхования гарантируют высокий уровень потребления.	<i>Производственная дисциплина.</i> Принятие фордистских методов организации производства и их негативных последствий (деквалификация, отчуждение, монотонность и т. п).
Корпорации представляют интересы капитала	<i>Повышение производительности труда, стабильность производства.</i> Рост объемов выпуска продукции, увеличение доходов.	<i>Перечисление рабочим части прибыли в виде высокой зарплаты,</i> индексируемой в соответствии с ростом производительности и темпами инфляции.
Государство представляет интересы нации в целом	<i>Социальное согласие как цель социальной политики и как условие стабильного развития.</i> <i>Высокие темпы экономического роста как цель экономической политики и как условие укрепления позиций на международной арене.</i>	<i>Активное регулирование экономики в целях поддержания эффективного спроса путем реализации кейнсианских принципов управления и государства благосостояния.</i>

Таблица №4. Фордизм как социально-экономическое и культурное явление

Трудовой процесс	Тейлоризм (узкая специализация труда, отделение планирования от исполнения)
Организационные структуры	Вертикально интегрированные, негибкие, иерархичные структуры
Организационная культура	Авторитаризм
Производство	Массовое производство стандартизированных товаров
Потребление	Массовое потребление стандартизированных товаров, растущие стабильные рынки
Конкурентная среда	Монополистические и олигополистические структуры
Роль государства	Активная роль государства: кейнсианская политика управления спросом, государство благосостояния, планирование
Открытость национальной экономики	Относительная замкнутость национальной экономики, в рамках которой поддерживается сбалансированная связь между производством и потреблением
Международный режим	Американская гегемония (в «капиталистическом» мире)
Политическая практика	Социальное согласие на базе фордистского компромисса (принятие рабочими фордистских методов организации производства в обмен на более высокий уровень жизни)
Культурные ценности	Коллективистские ценности, массовые политические партии и движения
Стили жизни	Единый американский стиль жизни: гедонистическая концепция счастья, выражающаяся в потреблении все большего количества товаров
Эстетика	Функциональная эстетика, обусловленная возможностями стандартизации и массового производства, монументализм, гигантизм

Кризис фордизма, разразившийся в середине 70-х гг., также в равной степени проявился и в снижающейся экономической эффективности, и в общекультурной неудовлетворенности «обществом одного измерения». В отличие от великой депрессии, он был вызван с истощением интенсивного режима накопления в рамках существующего способа социальной регуляции.

Причины кризиса можно обнаружить как на национальном (кризис тейлоризма, фрагментация спроса и т. п.), так и на международном уровнях. Вся фордистская система базировалась на относительной замкнутости национальной экономики, в рамках которой поддерживалась сбалансированная связь между производством и потреблением. Глобализация производства и рост мировой торговли нарушили национальный баланс. Адекватные механизмы регуляции, призванные контролировать связь между производством и потреблением в глобальном масштабе, отсутствовали: не было ни международных соглашений для сбалансированности роста в разных странах, ни международных коллективных переговоров, ни наднационального государства благосостояния.

В общем, проблемы фордизма можно охарактеризовать как негибкость (*rigidity*)³⁹. Именно на способах разрешения проблем, связанных с негибкостью фордизма, сосредоточила свое внимание концепция «гибкой специализации».

³⁹ Так, например, крупные долгосрочные инвестиции в систему массового производства предполагали стабильный рост в неизменных условиях потребительского рынка. Значительные социальные обязательства государства ложились на плечи активной части экономики, с чем общество охотно соглашалось до тех пор, пока все оплачивалось за счет «дивидендов роста». Однако, когда социальные, технологические и экономические условия организации производства исчерпали себя, сама справедливость государства благосостояния а с ней и всего фордистского компромисса) была поставлена под сомнение (Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. P. 165.).

2. Концепция гибкой специализации

Толчком для развития концепции гибкой специализации послужила работа М. Пайора и Ч. Сабея «Второй индустриальный перелом»⁴⁰. Абстрактная теория гибкой специализации отличается определенной концептуальной простотой поскольку сфокусирована в основном на арене производства.

Концепция гибкой специализации развивает трактовку производительности как функции разделения труда, основы которой были заложены еще А. Смитом⁴¹. Согласно его представлениям, разделение труда ограничено размерами рынка. Таким образом, экономический прогресс дело расширения рынков и углубления разделения труда. М. Пайор и Ч. Сабель добавляют в анализ еще одно измерение – уровень стандартизации продукции.

В экономике сосуществуют две индустриальные парадигмы, каждая из которых не содержит априори технологического превосходства над другой. Это – массовое производство стандартизированных товаров с использованием специального (рассчитанного на одну задачу, привязанного к одному продукту) оборудования и полуквалифицированной рабочей силы и гибкая специализация (ремесленное производство) – производство разнообразных товаров небольшими партиями с использованием многоцелевого оборудования и квалифицированного труда (см. рис. №1).

Для М. Пайора и Ч. Сабея массовое производство и гибкая специализация являются не только парадигмами производства, но и исторически реализуются в типах экономики, где один тип производства доминирует на определенной географической территории: в регионе, национальном государстве или мировом масштабе.

⁴⁰ См.: Piore M., Sabel C. F. The Second Industrial Divide. New York: Basic Books. 1984.

⁴¹ См.: Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. Книга первая. М.: Ось-89. 1997.

Каждому из вышеописанных типов экономики присущи свои специфические экономические проблемы. Массовое производство развивается за счет инвестиций в новые поколения специализированного оборудования, что позволяет наращивать экономику масштабов, снижая издержки и цену продукции⁴².

Но если рынок не способен поглотить всю произведенную продукцию, производитель начинает испытывать на себе бремя высоких постоянных издержек и негибкой производственной системы. Таким образом, высокая специализация дает отдачу только в случае рыночной стабильности⁴³.

Для ее достижения необходимы определенные регулятивные институты, поддерживающие баланс между производством и потреблением⁴⁴. Крушение подобных институциональных механизмов приводит к «кризису регуляции». Выход из кризиса возможен с помощью реконструирования механизмов регуляции или инноваций. Так, кризис 30-х гг. был разрешен с помощью инноваций Дж. Кейнса.

Если основной проблемой экономики массового производства является стабилизация рынка, то таковой для гибкой специализации – поддержание технического динамизма или «постоянный инновационный процесс» (permanent innovation)⁴⁵. Для нее приспособление к рынку не является сложной задачей, поэтому значение механизмов регуляции снижается. Однако гибкая специализация связана с риском стагнации технологического развития.

В определенные моменты истории одна индустриальная парадигма может существенно ограничить другую и стать всеобщим стандартом. Эти поворотные точки названы «индустриальными переломами» (industrial divides). Объясняя победу той или иной парадигмы, М. Пайор и Ч. Сабель отвергают какой бы то ни было «железный закон» исторической

⁴² Piore M., Sabel C. F. The Second Industrial Divide. P. 52-54.

⁴³ Ibid. P. 163.

⁴⁴ Ibid. P.4.

⁴⁵ Ibid. P.17.

необходимости во избежание технологического или рыночного детерминизма. По мнению авторов, все зависит от политического выбора различных экономических субъектов (фирм, профсоюзов, национальных правительств) и распределения финансовых ресурсов. «Технические возможности зависят от распределения власти и богатства: те, кто контролирует ресурсы и получает выгоду от вложений, делают выбор технологии в пользу наиболее выгодной для своих интересов»⁴⁶. Пайор и Сабель утверждают, что будущее зависит от «социальной борьбы, а не от естественных законов развития»⁴⁷.

Новая технологическая парадигма создает также новые «представления (vision) об эффективном производстве», которые активно пропагандируются⁴⁸. Таким образом, триумф индустриальной парадигмы зависит от материальной и идеологической поддержки.

В XIX веке разрозненные региональные экономики базировались на ремесленном производстве. Первый индустриальный перелом относится к началу нашего столетия, когда появились технологии массового производства. США создало у себя национальную экономику, базирующуюся на массовом производстве, которая после второй мировой войны была скопирована другими странами, что привело к созданию интернациональной экономики массового производства.

Текущий период (с начала 70-х гг.) отмечен вторым индустриальным переломом. Стагнация спроса (вследствие насыщения основных рынков), растущая неопределенность (вызванная крушением механизмов регуляции), угроза массовому консюмеризму (в результате повышения спроса на нестандартизированные товары высокого качества), развитие неспециальных промышленных технологий и гибкой трудовой практики открыли новые возможности для возрождения ремесленного производства.

⁴⁶ Ibid. P.38.

⁴⁷ Ibid. P.15.

⁴⁸ Ibid. P.44.

3. Неошумпетерианские концепции

Еще одно направление постфордистских дебатов – неошумпетерианские концепции. Оно связано прежде всего с исследованиями инноваций К. Фримана и Ш. Перес⁴⁹ и развивает идеи Кондратьева (о пятидесятилетних длинных волнах бума в развитии капитализма) и Шумпетера (о ведущей роли предпринимателей-инноваторов в рождении новой технической парадигмы).

Одной из ключевых категорий неошумпетерианцев является «технико-экономическая парадигма» (ТЭП) – сфера производства и экономических отношений со всеми присущими ей явлениями (технологии, организационные и управленческие методы, распределение доходов). Успешный переход от одной ТЭП к другой зависит от прыжка в производительности, который достигается распространением технологических инноваций на всю экономику. Инновация толкуется широко и включает также (кроме новых продуктов и процессов производства) новые формы организации труда и управления, новые растущие сектора, новые транспортные и коммуникационные технологии, новое пространственное расположение производства и т. д. Однако центральная роль отводится несущим продуктам и промышленным секторам, которые вносят вклад во всю систему и являются увеличивающими эффективность универсальными технологиями. Вот как об этом пишет К. Фримен: «Длительный подъем является результатом не технических инноваций в одной или нескольких отраслях... а скорее диффузии новой технико-экономической парадигмы из нескольких ведущих секторов во всю остальную экономику, и особенно в отрасли, производящие капитальные товары и соответствующие услуги»⁵⁰. Технологическая революция ведет «не только к появлению нового ряда продуктов и услуг в соответствующих отраслях, но

⁴⁹ См.: Freeman C., Perez C. Structural Crisis of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior // Technical Change and Economic Theory. / Ed by G. Dosi London: Frances Pinter, 1988. и др.

⁵⁰ Цит. по: Полетаев А.В., Савельев И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. С.209.

и отражается на всех других областях экономики посредством изменения стоимостной структуры затрат»⁵¹.

Технико-экономическая парадигма вызревает в определенной социоинституциональной обстановке, переход от одной к другой возможен лишь после адаптации множества социальных институтов к требованиям новых технологий. К. Фриман иллюстрирует эту зависимость следующим образом: «Фордистская парадигма массового производства, хотя и появилась именно в третьей волне, была лишь вспомогательным источником роста в 20-х гг. в США... Автомобильная промышленность, производство потребительских товаров длительного пользования, нефть, химия, пластические товары массового производства и т.д., а также вся относящаяся к ним инфраструктура и сфера услуг были, по нашему мнению, «моторами роста» именно подъема четвертой, а не третьей волны, хотя многие из соответствующих инноваций были сделаны, конечно, в третьей. Но их распространение в мире стало возможным только на базе многих социальных и институциональных изменений, которые позволили обобщить всю интенсивную массу производства и потребительскую парадигму»⁵².

Возникающие время от времени системные кризисы трактуются как результат того, что обе подсистемы (технико-экономическая и институциональная) развиваются с разной скоростью. Технико-экономическая подсистема имеет своим главным двигателем прибыль, стремление к увеличению которой приводит сначала к довольно быстрым сдвигам на микроуровне (отдельные предприятия), постепенно распространяющимся на всю экономику. Что касается институциональной подсистемы, то она обладает большей инерцией, кроме того, институциональные изменения могут сдерживаться политической властью. Таким образом, технико-экономическая парадигма приближается к своим пределам раньше институциональной, и именно в ней начинает вызревать новая система, хотя институциональная сфера тормозит ее

⁵¹ Там же. С.211.

⁵² Там же. С. 210.

движение. Ш. Перес формулирует это следующим образом: «Истощение старой парадигмы сопровождается инерцией соответствующих социальных и институциональных механизмов», образуются «непреодолимые барьеры потенциальному росту новой технико-институциональной парадигмы»⁵³, что и ведет к структурному кризису

Как мы видим технологическим изменениям приписывается ведущая роль, а социоинституциональные механизмы выглядят подчиненными технико-экономическим, что сводит макроэкономику к ее техническим атрибутам.

Таким образом, неошумпетерианцы попытались наполнить кондратьевские длинные волны конкретным историческим содержанием, анализом технико-экономических и социально-институциональных изменений⁵⁴. Настоящий этап, по их мнению, представляет собой переход от четвертой к пятой волне.

⁵³ Там же. С. 236.

⁵⁴ К этому направлению с некоторыми оговорками можно отнести концепцию «технико-экономических укладов» С. Глазьева. (См.: Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.)

РАЗДЕЛ II

ТРАЕКТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СВЕТЕ ПОСТФОРДИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

1. Новая производственная парадигма

Практически все постфордистские концепции приходят к некоторому консенсусу относительно уходящей эры (фордизма) и ее кризиса, однако взгляды на будущее существенно различаются.

Концепция гибкой специализации наиболее известна своими изысканиями в области характера труда и промышленных организаций в современных условиях. Приверженцы этой концепции уверены, что развитие многоцелевых технологий вместе с ростом рынков для нестандартизированных товаров высокого качества, склонит чашу весов в сторону гибкой специализации как основной индустриальной парадигмы. По мнению теоретиков гибкой специализации, именно эта модель способна с минимальными издержками обеспечить производство высококачественных товаров для специальных и изменчивых рынков.

Гибкость производства в целом требует гибкости всех его составляющих и в первую очередь гибкости в использовании трудовых ресурсов. Политика гибкости на рынке труда заключается в приспособлении затрат труда к изменяющимся уровням и качествам выпуска. Можно выделить три основных стратегии работодателей, преимущественное использование той или иной из которых зависит от конкретной ситуации⁵⁵:

- сделать уровень заработной платы гибким в сторону понижения и вести переговоры о зарплате на индивидуальной, а не групповой основе.
- менять характер занятий для рабочего на горизонтальном уровне, а также режимы рабочего времени (внутренняя,

⁵⁵ Storper M., Scott A. Work Organisation & Local Labor Markets in an Era of Flexible Production // International Labor Review. 1990, №.5.

функциональная гибкость).

- регулировать количественное вовлечение рабочей силы извне (внешняя, численная гибкость).

Изменения на рынке труда могут быть описаны с помощью модели «гибкой фирмы» Дж. Аткинсона⁵⁶: ядро, первая и вторая периферийные группы, внешняя периферия (см. рис №2).

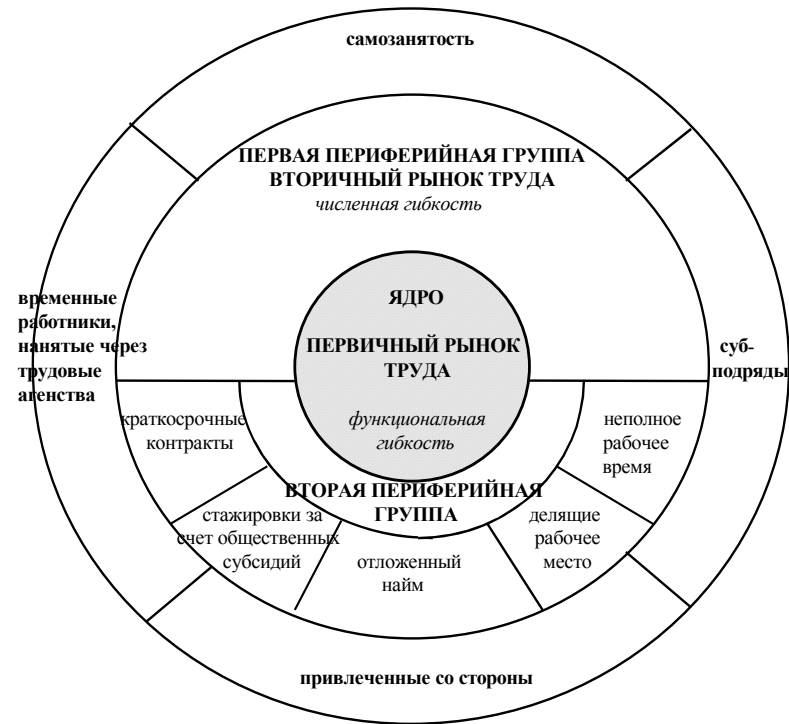
Ядро состоит из занятых полное время, имеющих постоянный статус и связанные с ним льготы, необходимых для долгосрочного развития организации работников. В периоды неблагоприятной экономической конъюнктуры они испытывают на себе приемы функциональной гибкой занятости.

Периферия состоит из двух подгрупп. Первая периферийная группа включает тех, кто занят полное рабочее время, но подвержен методам численной гибкой занятости. Эти группы занятых сокращаются в периоды экономических спадов и появляются вновь при появлении потребностей в расширении конкретных производств. Вторая периферийная группа в рамках фирмы, использующей системы гибкой занятости, включает в себя целый веер относительно менее обустроенных групп, а именно: работающих на краткосрочных контрактах, занятых неполное рабочее время, обучающихся за счет общественных субсидий, делящих с кем-то свое рабочее место, работающих с отложенным наймом.

Наконец, своего рода внешнюю периферию образуют группы работников, большинство из которых вовсе не числится в списках занятых этой фирмы и используется как внешняя дополнительная рабочая сила. К таковым относятся: работающие по субподряду, нанятые через трудовые агентства временные работники, самозанятые, привлеченные со стороны (outsourcing).

⁵⁶ См.: Atkinson J. Flexibility, Uncertainty, and Manpower Management. Brighton: Institute of Manpower Studies, 1985.

Рис №2. Модель «гибкой фирмы» Дж. Аткинсона



Идеальному типу гибкого производства в целом присуще следующее⁵⁷:

- разделение задач в производственном цикле между специалистами, автономными группами или независимыми фирмами таким образом, чтобы каждая единица могла максимизировать «экономику масштабов» и экспертизу, полученную от специализации в одной области, и одновременно иметь возможность варьировать конечный продукт по количеству и форме без потери общей эффективности;
- отказ от тейлоризма (опора на навыки, поливалентность, участие рабочих в борьбе за качество продукции и приток идей; реинтеграция умственной и физической работы);
- децентрализация механизма принятия решений (для уменьшения отчуждения рабочих, усиления их ответственности и повышения скорости реагирования на изменяющиеся рыночные сигналы);
- развитие многоцелевых технологий, гибко приспособляемых к различным задачам и объемам;
- культура сотрудничества, развитие переговорного процесса между фирмами и внутри фирм как ключевое условие, поддерживающее необходимую взаимозависимость и гибкость.

Таким образом, гибкая специализация обещает установить новые демократичные индустриальные отношения, основывающиеся на кооперации и доверии между рабочими и работодателями.

По мнению неошумпетерианцев, также происходит сдвиг от экономики масштабов к экономике специализации. В основу нового этапа развития («пятой волны Кондратьева») лягут информационные технологии. Информационно- и наукоемкий (information & knowledge-intensive) характер ей придают несущие отрасли, использующие информационные технологии (компьютеры, программное обеспечение, телекоммуникации, робототехника, электронные базы данных и

⁵⁷ Amin A. Post-Fordism: Models, Fantasies & Phantoms // Post-Fordism. P. 21.

информационные услуги). Новые технологии проникают и в сферу потребления, примером чего может служить телешопинг (teleshopping).

Концепция гибкой специализации и неошумпетерианцы в целом рисуют «розовую» картину будущего в отличие от теории регуляции, которая предвидит дальнейшую дегуманизацию и автоматизацию труда, возможное нетейлористское решение в контексте слабой представительности рабочих, включая иерархический контроль за трудовым процессом, жесткое разделение задач и отсутствие вовлечения рабочих.

Указывается также на дуалистичность рынка рабочей силы, ведущей к тому, что квалифицированная работа выполняется рабочими из ядра, тогда как неквалифицированная тейлористская работа остается на периферии, ядро характеризует гибкая система, тогда как на периферии интенсифицируется фордизм, работниками ядра в основном являются мужчины, тогда как женщины находятся на периферии.

В целом, на арене организации труда и индустриальных отношений решения в большой степени являются продуктом специфических социокультурных условий и баланса сил, поэтому, можно ожидать существенно различных локальных решений. В отличие от теоретиков гибкой специализации, четко определивших составляющие будущего режима, регуляционисты, в целом, более сдержанны в предсказаниях о том, какая эра придет после фордизма. Они видят настоящий период как серию экспериментов с различными стратегиями, чтобы преодолеть кризис⁵⁸. Таким образом возникает вопрос: представляет ли гибкая специализация самые значимые эксперименты?

В отличие от теоретиков гибкой специализации, рисующих мягкую и включающую всех модель, регуляционисты подчеркивают разделяющее и отчуждающее влияние новых технологий. Некоторые из них видят дальнейшее развитие в

⁵⁸ См.: Esser J., Hirsch J. The Crisis of Fordism and the Dimensions of a Post-Fordist Regional and Urban Structure. // Post-Fordism.; Peck J., Tickell A. Searching for New Institutional Fix. // Post-Fordism. и др.

рамках «неофордизма», связанного с автоматизацией массового производства и дальнейшей дегуманизацией труда (когда работнику остается только следить за работой оборудования). И если гибкая специализация делает ставку на фрагментацию рынков и работу на определенные ниши, то неофордизм возлагает надежды на стандартизацию в мировых масштабах, поставку на все рынки унифицированной продукции.

Постфордизм приобретает ясные очертания в конфронтации между противоборствующими тенденциями. Поэтому регуляционисты не спешат зафиксировать имя новой эры и колеблются в выборе между терминами: «Neo-Fordism» – чтобы показать тесную связь с фордизмом и преемственность⁵⁹, «Post-Fordism» – как разрешение кризиса⁶⁰ и «After-Fordism» – для обозначения скорее кризисного периода после фордизма, чем новой фазы развития⁶¹. В целом, для обозначения современной эпохи в дебатах принят более устоявшийся (хотя и по-разному интерпретируемый) термин «постфордизм» (Post-Fordism)⁶². Когда же составляющие новой модели развития будут окончательно определены, она, по-видимому, получит другое, более содержательное имя.

Постфордистские дебаты пролили свет на целый ряд производственных и организационных инноваций. Однако только в последнее время начались серьезные исследования возникающих политических структур и государственных форм, развернулась острая полемика по поводу новых механизмов регуляции.

⁵⁹ См.: Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation.

⁶⁰ См.: Jessop B. Post-Fordism and the State // Post-Fordism.

⁶¹ См.: Peck J., Tickell A. Searching for New Institutional Fix.

⁶² Существуют некоторые языковые трудности с переводом вышеупомянутых терминов, так как английские «Post-Fordism» и «After-Fordism» могут быть переведены на русский язык одним термином «постфордизм». Таким образом, важное значение приобретает смысловое наполнение этого термина. В настоящей работе термин постфордизм будет использоваться скорее в духе термина «After-Fordism» (как период кризиса и неопределенности дальнейшего развития).

2. Региональное развитие в эпоху постфордизма

В последнюю четверть XX столетия сравнительная значимость национального государства как уровня принятия решений снизилась. Роль локального (регионального) и глобального (транснационального) уровней напротив существенно возросла. Развитие мировой экономики происходит вокруг взаимосвязанных процессов «глокализации» и «выхолащивания национального государства». Глокализация (glocalisation) – одновременное движение глобализации, с одной стороны, и децентрализации, локализации – с другой⁶³. Выхолащивание национального государства (hollowing out of the nation state) связано с возрастанием роли наднациональных институтов и политических блоков в реализации регулирующей силы и определении стратегического направления развития мировой экономики, а также одновременной передачей полномочий локальным органам управления, проводящим политику поддержания локальных условий конкурентоспособности⁶⁴. Какая же тенденция (глобализация или локализация) действительно превалирует?

Концепция гибкой специализации предвещает возврат к самоподдерживающимся региональным экономикам, подобным тем, что существовали до середины XIX в. Тогда регион был естественной единицей экономической активности, а национальная экономика – скорее суммой своих частей (регионов), чем единым целым, центральные власти имели слабые возможности для управления экономическим развитием национальной экономики. После второй мировой войны регион стал вторичным центром экономической активности и производной категорией анализа. Система массового производства инкорпорировала в качестве субподрядчиков части старых региональных экономик, а региональные и местные власти стали подчиненными агентами в национальной

⁶³ Swyngedouw, E. A. The Mammon Quest. Glocalisation, Interspatial Competition and Monetary Order: the Construction of New Spatial Scales // Cities and Regions in the New Europe: the Global-Local Interplay and Spatial Development Strategies. London: Belhaven. 1992. P. 40.

⁶⁴ Jessop B. Post-Fordism and the State P. 264.

системе социального благосостояния.

Сегодня о восстановлении региона как интегрированной экономической (производственной) единицы позволяет говорить целый ряд взаимосвязанных явлений⁶⁵:

- появление новых индустриальных районов в Италии, Западной Германии, Японии, Дании, Австрии, Франции и США и т.д.⁶⁶;
- реорганизация больших мультинациональных корпораций, возрастание полномочий их операционных единиц (филиалов) по организации собственных продаж, субподрядных связей, маркетинговых исследований и т.п.;
- конвергенция крупного и малого бизнеса, включение последнего в мировую экономику, появление индустриальных групп путем создания сети местных гибких субподрядчиков вокруг операционных единиц мультинациональных фирм или же обеспечение более крупными фирмами маркетинговой и финансовой поддержки мелким фирмам-производителям;
- большая независимость местных властей от национального политического центра и децентрализация ответственности за создание рабочих мест;
- вовлеченность (часто вынужденная) региональных или заводских профсоюзов в описанную промышленную реорганизацию региона в обмен на участие в принятии локальных стратегических решений, влияющих на судьбу трудящихся.

Таким образом, кризис фордизма, проявившийся в нестабильности рынков, представляет собой перелом в промышленной географии больших, вертикально интегрированных корпораций, полагающихся на внутреннюю

⁶⁵ Sabel C. F. Flexible Specialization and the Re-emergence of Regional Economies // Post-Fordism. P. 103.

⁶⁶ См.: Scott A. New Industrial Spaces: Flexible production Organisation & Regional Development in North America & Western Europe. London: Pion, 1988.; Scott A. Flexible Production System & Regional Development: The Rise of New Industrial Spaces in North America & Western Europe // The International Journal of Urban & Regional Research. 1988. №12.

экономику масштабов для обслуживания стабильных рынков. Вертикальная дезинтеграция (децентрализация производства и управления внутри фирм и между ними) является базой для приспособления к существованию в условиях риска и неопределенности. Утверждается, что гибкая специализация стимулирует образование географических кластеров и возрождение региональных экономик, специализирующихся на определенных товарах.

Пространственная близость ведет к социальной солидарности и доверию (основанным на общем образовательном и профессиональном опыте, этническом и религиозном факторах, локальной гордости и т. п.), контактам «лицо к лицу», открывает доступ к рынкам факторов производства и конечной продукции, снижает транзакционные издержки.

Концепция гибкой специализации предлагает взгляд на регион как на отдельную экономическую единицу, процветание которой зависит от эндогенного роста, использования внутренних ресурсов, а не импорта оборудования и квалифицированной рабочей силы. В современных условиях регионы как фирмы должны выживать в условиях турбулентной экономической среды⁶⁷. Таким образом, если фордистская география производства базировалась на национальной иерархии распределения команд и задач, то сейчас национальные государства передали значительную власть и ответственность городам и регионам, которые минуя национальные государства становятся прямыми участниками мировой экономики.

Приверженцы другой точки зрения считают, что благодаря бурному развитию транснациональных корпораций (ТНК) превалирует тенденция к глобализации. Хрупкость местной экономики чрезвычайно возрастает в результате либерализации рынков, избыточной мобильности капитала, развития информационных технологий, которые позволяют координировать научные разработки, дизайн товара и его

⁶⁷ Sabel C. F. Flexible Specialization and the Re-emergence of Regional Economies P. 126, 129.

производство, даже если они осуществляются на весьма отдаленных друг от друга территориях. Для большинства городов и регионов масштабы реальной экономической власти ограничены созданием так называемой «благоприятной деловой среды». Различные финансовые льготы, стимулирующие движение капитала и труда, породили наиболее сомнительный вид гибкости. Например, они побуждают фирмы, несмотря на хорошую доходность, изменять местоположение своих предприятий для получения еще более высокой прибыли и субсидий на приобретение наиболее прогрессивных технологий. Таким образом, политика регионов, направленная на повышение конкурентоспособности за счет снижения издержек (уменьшение зарплаты, финансовые льготы), ведет к постепенному снижению уровня жизни в мировых масштабах.

Несколько привилегированных регионов могут выиграть, но общий эффект – снижение влияния местных и региональных властей в проведении независимой экономической политики и поддержании прогрессивной среды социального благосостояния. Чем больше города и регионы конкурируют друг с другом за части глобального капитала, тем более очевидно их подчинение наднациональным силам. Экономический успех остается для большинства иллюзорным, а для тех, кто его достиг, – хрупким: привлечь инвестиции сложно, удержать – еще сложнее (см. табл. №5).

По мнению большинства исследователей, постфордизм предстает как время глобальных процессов, несущих успех лишь некоторым локальным образованиям – ограниченному количеству регионов, имеющих хорошо развитую информационную, инновационную и институциональную среду⁶⁸, крупным городам мира⁶⁹.

⁶⁸ См.: Amin A., Thrift, N. *Living in the Global // Globalisation, Institutions and Regional Development in Europe*. Oxford: Oxford University Press. 1994.

⁶⁹ См.: Sassen S. *The Global City*. Princeton: Princeton University Press. 1991.

Таблица №5. Роль национального государства и механизмы регуляции

	Фордизм	Постфордизм
Глобальный уровень	Национальное государство имеет возможность проводить независимую экономическую политику в контексте американской гегемонии. США действуют как господин и гарант мирового порядка и, в то же время, используют систему для реализации своих собственных экономических интересов. Передача внутренних проблем США через мировую экономику.	Государства уступают власть появляющимся наднациональным органам, которые пытаются контролировать интернационализацию финансового и промышленного капитала. Уменьшение роли национального государства и сравнительная слабость наднациональных структур уменьшают базу для стабильного развития.
Национальный уровень	Централизация и консолидация власти национального государства. Кейнсианское государство благосостояния гарантирует условия массового производства и потребления.	Выхолащивание национального государства вследствие одновременной передачи власти наднациональным и местным органам.
Локальный уровень	Государство благосостояния на местном уровне. Национальное государство пытается сгладить негативные эффекты неравномерного развития посредством региональной политики.	Сравнительное усиление экономической роли местной власти. Возрастающая конкуренция между локальными образованиями за привлечение капитала, обострение пространственного неравенства. Местная власть, беспомощная в мировой экономике, вынуждена реагировать на внешние экономические силы. Небольшая степень местной свободы.

Таким образом, реальность представляет собой глобальные экономические потоки и несколько развитых региональных комплексов (fixities)⁷⁰. Причем сдвиги в пространственном порядке мировой экономики рассматриваются не как новый устойчивый порядок, а как усилившееся неравномерное развитие. Это «география кризиса», когда каждый регион вынужден искать собственные решения, а не география новой стабильной модели развития⁷¹.

Тем не менее, национальное государство остается важнейшей политической единицей, так как наднациональные структуры не имеют народно-демократической легитимности (основы). Кроме того, пока только на национальном уровне возможны разрешение социальных конфликтов, политика перераспределения и обеспечение социального единства.

3. Политика постфордизма

В ходе процесса глобализации правительствам все труднее управлять национальной экономикой при помощи традиционных инструментов финансовой и налоговой политики. В условиях возрастающей взаимозависимости экономических процессов, традиционное кейнсианство не в состоянии увязать высокую конкурентоспособность с полной занятостью и высоким уровнем жизни.

Приверженцами концепции гибкой специализации предлагаются новые политические приоритеты. Необходимо отказаться от классической кейнсианской стратегии управления спросом (массовое производство не является более жизненно важным), направляемого государством промышленного планирования (центральные институты – негибкие), государственной политики поддерживающей концентрацию собственности и экономику масштабов (гигантизм

⁷⁰ См.: Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and Urban Regional Process. Oxford: Blackwell. 1989.

⁷¹ Peck J., Tickell A. Searching for New Institutional Fix. P. 307.

неэффективен и негибок).

Предлагается проводить политику, выработанную в регионах, где с успехом развивается гибкая специализация (например, в «третьей» Италии)⁷². Таким образом, выбор падает на локальные решения. Необходимо наличие политических, нормативных и организационных средств для создания отношений, поддерживающих кооперацию и координацию, культуру локальной идентификации и доверия, как для развития региональной сети малых фирм, так и для реорганизации мультинациональных корпораций в созвездие полуавтономных единиц включенных в местную экономику.

Трактовка неошумпетерианцами истории капитализма как истории технологических революций, акцент на роли технологических инноваций в ущерб инновациям социальным определяет и их представления о надлежащей экономической политике государства. Постфордистская эра (или «пятая кондратьевская волна») связана, по их мнению, с ведущей ролью информационных технологий.

Переход потребует существенных изменений в институциональных приоритетах и политике. На уровне государственного регулирования он предполагает осторожную, спланированную стратегическую интервенцию с целью устранить барьеры, препятствующие развитию новой технико-экономической парадигмы. Необходимо определить важнейшие стратегические технологии и проводить программы, способствующие их распространению в экономике. Нужно поощрять новые сектора промышленности, технологическое перевооружение фирм, распространение новых стандартов и новейших коммуникационных систем, поддерживать идущих на риск предпринимателей и инвестировать в образование и обучение в новых областях знания, компетенции и навыков.

Регуляционисты подчеркивают важность новых механизмов регуляции, необходимых для перехода к новой модели развития. Однако мнения относительно характера нового способа социальной регуляции (ССР) среди сторонников

⁷² См.: Scott A. New Industrial Spaces. P. 43-59.

подхода существенно различаются.

Возможно, самые большие споры касаются статуса неолиберализма, связанного с либерализацией конкурентных рыночных сил, отказом от политики интервенций со стороны спроса (в пользу политики предложения), социального партнерства и политики благосостояния. В 70–80-х гг. «тетчеризм» и «рейганизм» высветили крушение кейнсианской модели государства. Поэтому некоторые авторы, хотя и избегают употребления самого термина, сделали вывод, что неолиберализм, в конце концов, станет основой политики постфордистского государства.⁷³ Ниже перечислены важнейшие составляющие неолиберализма как возможного способа социальной регуляции⁷⁴:

- Отношения найма: усиливающаяся сегментация рынка труда, поляризация навыков, гибкость рынков труда, децентрализация переговоров о заработной плате.
- Предприятия: сдвиг в сторону более плоских и гибких форм организации, перевод части деятельности на субподрядную основу, рост конкуренции между фирмами, постоянный инновационный процесс, неценовая конкуренция.
- Потребление: акцент на дифференциации и ориентации на определенные ниши, комбинация глобального потребления и товаров для элитных рынков.
- Государство: стимуляция конкуренции и продвижения инноваций, социальная политика, направленная на поощрение гибкости, «выхолащивание национального государства», так как власть одновременно переходит вверх (к глобальным и транснациональным силам) и вниз (к локальным и региональным правительствам, начинающим интегрироваться между собой, минуя национальное государство).

Другие исследователи акцентируют внимание на

⁷³ См.: Jessop B. Post-Fordism and the State.

⁷⁴ Jessop B. Post-Fordism and Flexible Specialisation: incommensurable, contradictory, complementary or Just Plain Different Perspectives? // Regional Development and Contemporary Response: Extending Flexible specialisation. London: Belhaven Press, 1992. P. 31-32.

многочисленных негативных эффектах неолиберализма. Главная экономическая и политическая проблема современности – возрождение интенсивной конкуренции и приватизации и упадок институциональной координации конечного выпуска продукции и рынков труда⁷⁵. Высокий уровень конкуренции ведет к резким колебаниям потребностей в рабочей силе, высокому уровню закрытия фирм и открытия новых. В результате, большая доля социальных издержек конкуренции переносится на рабочих, что выражается в интенсивном обороте рабочей силы и необходимости часто инвестировать в поиски новой работы. Необузданная конкуренция ведет к сегментации рынка труда, а следовательно – к дифференциации доходов и поляризации заработной платы, что наблюдается в западных обществах с 80-х гг. В этих условиях чрезвычайно трудно разрабатывать и эффективно проводить различные социальные программы из-за гетерогенных форм уязвимости. Рост гибкого производства вызвал упадок традиционных профсоюзов и снизил политическую силу «рабочего класса» в целом. В результате многие рабочие испытывают на себе уменьшение заработной платы и количества различных льгот даже в наиболее быстро развивающихся центрах гибкого производства.

В то же время само экономическое развитие стран, провозглашающих свободный, гибкий и конкурентоспособный рынок и ищущих источник новой экономической динамики и создания рабочих мест за счет отказа от регулирования рынка труда, оказалось неадекватно этим теориям. Там, где в Европе эти теории применялись на практике, они не привели к победе над безработицей. И хотя в США воплощение данных теорий привело к созданию новых рабочих мест, однако, одновременно с этим наблюдалось падение реальной заработной платы и рост бедности⁷⁶.

Противники неолиберализма считают, что он представляет

⁷⁵ Storper M., Scott A. Work Organisation & Local Labor Markets in an Era of Flexible Production. P. 589-590.

⁷⁶ См.: Зенгенбергер В., Кенэ М. Роль активной отраслевой политики занятости // Общество и экономика. 1996. № 3-4. С. 91.

собой скорее «вакуум», «отсутствие эффективных механизмов регуляции» и неприемлем в условиях масштабной структурной трансформации. Переход к монетаристским стратегиям со стороны государства – скорее «тактическая реакция на кризис, а не его разрешение», политическая суть проблемы, «политика кризиса», когда экономический рост замедлился и социальный компромисс рухнул. Он не является базой для самовоспроизводящегося и устойчивого экономического роста⁷⁷.

Таким образом, современные «рыночные решения» осуждаются, требуется стратегическая, активная и коллективная институциональная поддержка. Новый компромисс должен быть направлен на поддержание экономической, социальной и экологической стабильности.

Б. Джессоп, синтезируя элементы различных подходов предлагает свою трактовку постфордистского государства – «шумпетерианское государство» (Schumpeterian workfare state), которое может реализоваться в таких трех вариантах как: неолиберализм, неостейтизм, неокорпоративизм⁷⁸.

Неолиберализм связан с ведущей ролью рынка и основывается на дерегуляции, приватизации, либерализации, поддержании гибкости рынка труда, реорентации государственной деятельности на нужды частного сектора, использовании коммерческого критерия в госсекторе, отказе от механизмов социального партнерства в сторону рыночных сил и сильного государства, космополитизме и содействии глобализации. В этом случае инновации возникают спонтанно, под действием духа предпринимательства.

Неокорпоративизм подразумевает согласование и координацию деятельности экономических агентов, ориентированные на реализацию общих интересов. Фордистский корпоративизм был нацелен главным образом на достижение полной занятости. Неокорпоративизм смещается на микроуровень и, отражая растущую гетерогенность рынка труда и интересов различных сообществ, ориентирован на инновации

⁷⁷ Peck J., Tickell A. Searching for New Institutional Fix. P. 296.

⁷⁸ Jessop B. Post-Fordism and the State. P. 266.

и структурную конкурентоспособность. Некоorporативизм распространяется не только на экономическую (отношения труда и капитала), но и на другие функциональные системы (наука, образование, медицина). Неокоorporативизм связан с интегрированием перспективных интересов, усилением ядра и исключением периферии. Роль государства заключается в поддержке решений, достигнутых в ходе коorporативных переговоров. В отличие от неолиберализма неокоorporативизм предстает как «регулируемая саморегуляция»⁷⁹.

Сущность неостейтизма состоит в том, что экономическая реорганизация осуществляется исходя из государственных, а не частных или коorporативных интересов. Неостейтизм основан на активной роли государства и нацелен на усиление структурной конкурентоспособности. В более конкретном плане можно отметить важную роль политики отраслевой реструктуризации, политики государства на рынке труда, направленной на эффективную занятость, политики продвижения экономики по технологической иерархии с помощью поддержания гибкой специализации.

На практике элементы этих стратегий могут комбинироваться внутри и между уровнями политической организации. Так, в рамках Европейского союза сосуществуют единый рынок (неолиберализм), политика координирования регионального развития новых технологий, образовательных и научно-исследовательских центров, банковских институтов (неостейтизм), социальный характер экономики и предотвращение социального демпинга (неокоorporативизм)⁸⁰.

Некоторые исследователи связывают надежды на будущее с развитием наднациональных механизмов регуляции, в том числе на базе сложившихся политико-торговых блоков (Европейский союз, НАФТА, АСЕАН). Приверженцы этой точки зрения считают, что разрешение кризиса должно идти не снизу (через локальную конкуренцию), а сверху (через национальное и мировое сотрудничество)⁸¹. В частности, предлагается

⁷⁹ Ibid. P. 267.

⁸⁰ Ibid. P. 269.

⁸¹ Peck J., Tickell A. Searching for New Institutional Fix. P. 311.

неокейнсианская экспансивная программа на международном уровне, включающая серию политических, торговых и финансовых соглашений в целях возрождения спроса как в развитых, так и в развивающихся странах. Без этого локальный успех может быть поставлен под угрозу недостаточностью спроса в мировой экономике⁸².

С другой стороны подчеркивается ограниченность возможностей наднациональных институтов и смещение акцента их деятельности с регулирования международной торговли, валютных отношений и иностранных инвестиций в сторону поддержания в глобальной конкурентной борьбе структурной конкурентоспособности самого территориального образования⁸³.

Значительная часть исследователей полагает, что хотя в сфере производства и происходят весьма значимые эксперименты, говорить о появлении нового способа социальной регуляции, а следовательно и стабильной модели развития, преждевременно. Институциональные и политические условия для нового периода устойчивого роста остаются пока довольно иллюзорными.

⁸² См.: Lipietz A. Towards a New Economic Order.

⁸³ Jessop B. Post-Fordism and the State. P. 270.

РАЗДЕЛ III

КРИТИКА ПОСТФОРДИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

1. Концептуальный дуализм

В данной части работы рассматриваются основные направления критики постфордистских теорий. Хотелось бы обратить внимание на то, что речь пойдет именно о критике концептуальных основ, а не различных интерпретациях социально-экономических фактов, разнообразие которых мы попытались отразить ранее.

Прежде всего, критике подвергается дуализм подхода, изобилие упрощенных бинарных противопоставлений (фордизм – постфордизм, массовое производство – гибкая специализация и т. п.). Особенно грешит этим концепция гибкой специализации М. Пайора и Ч. Сабеля⁸⁴.

Критики замечают, что в истории интеллектуальной мысли с трудом можно найти теорию, которая строится вокруг единственного противопоставления⁸⁵. Лежащее в основе концепции противопоставление двух типов производства ставится под сомнение, так как четкая система критериев доминирования того или иного (как в экономике или отрасли, так и на отдельном предприятии) у М. Пайора и Ч. Сабеля отсутствует⁸⁶. Действительно, никакая современная экономика не может базироваться только на одном типе производства. Сами М. Пайор и Ч. Сабель замечают, что в эпоху господства массового производства существовало некоторое количество фирм и даже отраслей, организованных в соответствии с

⁸⁴ В силу широкой популярности концепции гибкой специализации многие положения (частично или полностью) постоянно воспроизводятся в теоретических построениях самого различного толка. В данной части работы мы сосредоточимся в основном именно на критике концепции гибкой специализации, так как она одновременно является довольно популярной и наиболее уязвимой для критики.

⁸⁵ Williams, K., Cutler, T., William, J., Haslam, C. The End of Mass Production? // *Economy & Society*. 1987, № 16. С. 406.

⁸⁶ Ibid. P. 415.

принципами ремесленного производства⁸⁷. Это было необходимо в случаях, когда потребительский спрос очень мал или нерегулярен и не оправдывал массового производства или же тогда, когда специальное оборудование необходимое для этого производства само не могло быть произведено в массовом порядке⁸⁸. Однако, утверждая, что один тип производства все же может быть доминирующим, М. Пайор и Ч. Сабель не специфицировали критерии для определения доминирования в каждом конкретном случае⁸⁹.

Подвергается сомнению и само использование термина «фордизм», так как утверждается, что инновации Форда имели довольно ограниченное поле применения. Анализируя развитие автомобильной промышленности критики приходят к мнению о том, что она развивалась по иному пути⁹⁰, из чего следует вывод – «концепция фордизма должна быть отвергнута в силу того, что она обходит молчанием существующее разнообразие и устанавливает униформирующий стереотип»⁹¹.

Не вдаваясь в подробный анализ конкретных аргументов, все же отметим, что организация производства на заводах Г. Форда не исключение, как его пытаются представить некоторые критики, а скорее крайний случай, близкий к идеальному типу массового производства и соответствующей социальной практике. Именно поэтому период их господства и был назван фордизмом, хотя, конечно, всякое название достаточно условно. Кроме того, само массовое производство не является некой застывшей формой, а постоянно эволюционирует, сохраняя при этом, однако, свои базовые принципы. Что касается разнообразия и «униформирующего стереотипа», то более плодотворным видится не отказ от концепции фордизма, а попытки его типологизации, которые, кстати, предпринимаются⁹².

⁸⁷ Piore M., Sabel C. F. The Second Industrial Divide. P. 20.

⁸⁸ Ibid. P. 27.

⁸⁹ Williams, K., Cutler, T., William, J., Haslam, C. The End of Mass Production? P. 407.

⁹⁰ Ibid. P. 421-22.

⁹¹ Ibid. P. 423.

⁹² См.: Peck J., Tickell A. Searching for New Institutional Fix.

В конечном счете, критика сводится к тому, что «определенное предприятие или отрасль не могут быть помещены точно на один из возможных полюсов»⁹³ (массовое производство и гибкая специализация), что нам кажется довольно прямолинейным. Вряд ли М. Пайор и Ч. Сабель подразумевали точное «попадание» реальности в описанные ими концептуальные схемы, по сути – «идеальные типы». Скорее всего, речь здесь должна идти о преобладании, тяготении к тому или иному полюсу. И именно в этой части необходимо выработать определенные критерии преобладания, на отсутствие которых совершенно справедливо указывают критики.

По нашему мнению, отсутствие четких критериев не подрывает самой сути концепции двух индустриальных парадигм. Отсутствие на практике «чистых типов» и трудность идентификации не должно вести к отказу от любых попыток классификации. Поэтому нельзя согласиться с суровым приговором критиков: «Массовое производство и гибкая специализация не могут быть должным образом идентифицированы на практике даже на уровне предприятия или отрасли»⁹⁴.

И все же целый ряд явлений не вписывается в традиционные схемы. Так, указывается, что на примере деятельности японских корпораций, которая может быть характеризована как гибкое массовое производство (децентрализованное производство при централизованном контроле) дѳушится контраст между упадком массового производства и ростом производства мелкими партиями, а также между вертикальной интеграцией и массовым производством⁹⁵.

Конечно дуализм ведет к сужению разнообразия и возможно обедняет концептуальный аппарат. Поэтому в общем приходится соглашаться с критиками, что «проблема концепций

⁹³ Williams, K., Cutler, T., William, J., Haslam, C. The End of Mass Production? P. 415.

⁹⁴ Ibid. P.417.

⁹⁵ См.: Sayer, A., Walker, R. The New Social Economy: Reworking the Division of Labor. Oxford: Blackwell, 1992. P. 219-221.

фордизма, постфордизма и гибкой специализации заключается в том, что они слишком гибкие и недостаточно специализированные»⁹⁶.

2. *Континуальность и изменения*

Критика дуализма зачастую плавно переходит в критику стадийного подхода к истории как такового, хотя современные изменения многими описываются с помощью контрастных противопоставлений, принимающих форму бинарной истории: индустриальное – постиндустриальное, модернистское – постмодернистское общества⁹⁷, организованный – дезорганизованный капитализм⁹⁸ и т. п.

Применительно к истории прямое противопоставление массового производства и гибкой специализации, по мнению критиков, дает карикатурное представление эпох. Некоторые из них подчеркивают, что хотя дуализм и является мощным средством регистрации различий, нельзя согласиться с представлением будущего как прямой противоположности прошлого⁹⁹. Подобным образом сформулированный упрек вполне справедлив: действительно, необходимо не только регистрировать различия, но и обращать внимание на существующую преемственность.

Однако критики идут дальше и говорят о том, что М. Пайор и Ч. Сабель «пытаются слишком много впихнуть в одну схему... и это неизбежно, когда длительный и сложный исторический опыт обобщен при помощи простой конструкции, содержащей всего две стадии. Такой подход ведет к тому, что отдельные эпизоды истории не верно интерпретируются, а другие и вовсе

⁹⁶ Ibid. P.192.

⁹⁷ См.: Kumar, K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World. Oxford: Blackwell, 1995.

⁹⁸ См.: Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1987.

⁹⁹ Sayer, A., Walker, R. The New Social Economy. P. 193.

исчезают, так как не укладываются в рамки конструкции»¹⁰⁰. Подобные упреки, нам кажутся не вполне обоснованными. Объективное существование исторических периодов различной протяженности приводит к периодизациям различного масштаба. При концептуализации периодов большей протяженности естественно имеет место большая степень упрощения, выделение наиболее существенных для периода черт, абстрагирование от частных.

Критики также указывают на отсутствие четко обоснованной теории смены производственных парадигм. Из рассуждений М. Пайора и Ч. Сабеля можно сделать вывод о том, что технология распространяется не благодаря ее эффективности в данных условиях, а благодаря политическому выбору, материальным и идеологическим ресурсам, брошенным на ее поддержку и продвижение¹⁰¹. Обоснование экспансии одной парадигмы и сужения другой кажется нам наиболее слабым местом в концепции М. Пайора и Ч. Сабеля. Стремясь избежать детерминизма в виде некоего «железного закона», они по сути отказались от поиска каких либо внутренних объективных причин, отдав все на откуп «политическим решениям». Кроме того, мы наблюдаем резкий контраст между значительной «открытостью», возможностью выбора в период индустриальных переломов и полной «закрытостью» и детерминированностью после того, как выбор сделан¹⁰².

Особое место занимает критика «второго индустриального перелома». Под сомнение ставится тезис о насыщении массовых рынков потребительских товаров длительного пользования и серьезности последствий фрагментации рынков вследствие дифференциации спроса¹⁰³. Отмечается, что М. Пайор и Ч. Сабель игнорируют появление новых товаров длительного пользования, расширение потребностей (вторые и третьи телевизоры, машины и т.п.) и вторичный спрос (физически и

¹⁰⁰ Williams, K., Cutler, T., William, J., Haslam, C. The End of Mass Production? P. 418.

¹⁰¹ Ibid. P.411.

¹⁰² Ibid. P.411.

¹⁰³ Ibid. P.424-425.

морально устаревшие товары). Утверждается, что так называемая «дифференциация спроса» часто ограничивается лишь поверхностными вариациями в области дизайна, не подрывая базовых основ массового производства однотипной продукции. Кроме того, удовлетворению различных потребностей покупателей способствует также расширение торговли, увеличение количества марок и моделей, представленных на каждом конкретном национальном рынке¹⁰⁴. Потерю домашних рынков массовые производители пытаются восполнить за счет экспорта.

На основании вышеперечисленных аргументов, критики делают обоснованный вывод, что к данной степени фрагментации рынка массовые производства в состоянии приспособиться. Все, о чем говорит концепция гибкой специализации, – это новые условия конкуренции, где есть победители и побежденные, но, в целом процесс фрагментации смертельно «не угрожает системе массового производства»¹⁰⁵, и с этим трудно не согласиться.

Компьютерные технологии, на которые делают ставку приверженцы концепции гибкой специализации, также не подрывают основ массового производства. Они лишь вносят элементы гибкости в массовое производство, которое, оставаясь капиталоемким, требует все больших объемов производства¹⁰⁶. «Новые поколения контролируемого компьютерами оборудования могут предоставить более разнообразную конечную продукцию, но они не способны восстановить экономическую систему, базирующуюся на передислокации (между различными продуктами, взаимозаменяемости) производственных ресурсов и низких фиксированных издержках. Это мир, который мы потеряли»¹⁰⁷. Единственный эффект этих технологий – сокращение потребности в полуквалифицированной рабочей силе.

¹⁰⁴ Ibid. P.427.

¹⁰⁵ Ibid. P.427.

¹⁰⁶ Ibid. P.429-434.

¹⁰⁷ Ibid. P.433.

Не умаляя конструктивного характера критики по отдельным вопросам, все же необходимо отметить, что в конечном итоге рассуждения многих исследователей сводятся к тривиальному утверждению об эволюционном характере изменений. Опасность такого рода критики, трактующей происходящие изменения лишь как выражение технологического динамизма и постоянного совершенствования производства, заключается в том, что слишком много рассуждая о континуальности развития, люди отказываются признавать качественные изменения. Категории «капитализм» и «индустриализм» не являются всеобъемлющими. Различия между изменениями внутри системы и изменениями самой системы не так просто уловить и должным образом оценить, т.к. те же изменения внутри системы, в конце концов, ведут к изменениям самой системы. Зачастую может быть неочевидно, что изменения знаменуют собой фундаментальный сдвиг и возникновение новой парадигмы экономической и социальной жизни. «Мы можем представить, что говорили о первых хлопчатобумажных фабриках северной Англии здравомыслящие критики. В мире сельскохозяйственном и ремесленном, они могли казаться абсурдом для всех, но не для Сен-Симона и Роберта Оуэна, увидевших в них предвестников индустриальной революции, которая трансформирует не только Англию, но и весь мир»¹⁰⁸. Возможно еще рано говорить о постфордизме в таких эпохальных терминах, но необходимо продолжать исследования изменений, которые могут лечь в основу новой эры развития.

В конечном итоге постоянное акцентирование континуальности – позиция неплодотворная, так как с потерей историчности кроме самого эволюционного механизма окажется просто нечего изучать. Конечно, выделение периодов постфордистскими концепциями весьма условно, их границы размыты, системообразующие признаки нового способа развития долгое время вызревают в недрах старого. Однако уже тем, что развитие рассматривается в рамках «капитализма», в концепции привносится существенный элемент континуальности и преемственности.

¹⁰⁸ Kumar, K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. P. 64.

РАЗДЕЛ IV

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕОРИИ

1. Место постфордистских концепций в футурологических дискуссиях

Теперь попытаемся определить место постфордистских концепций в общих дискуссиях относительно характера происходящих социально-экономических изменений.

Прежде всего, следует напомнить, что постфордистские концепции связаны со стадийным подходом к истории. В этом они существенно отличаются от теории длинных волн, сосредоточившей свое внимание на циклическом характере социально-экономического развития. Различия этих двух подходов хорошо описаны А.В. Полетаевым: «Циклы» и «стадии» находятся в оппозиции друг к другу. Циклы соответствуют циклическому представлению о времени, стадии – линейному. Циклы подразумевают неизменность, повторяемость; стадии – изменения, различия, причем не только и не столько количественные, сколько качественные. Периодизация общественного развития на основе циклических схем позволяет установить определенную единицу исторического времени. В рамках стадийной концепции подразумевается наличие качественных различий между отдельными историческими периодами»¹⁰⁹.

Действительно, постфордистские исследования сфокусированы не столько на феномене долговременных циклических колебаний статистических показателей, сколько на проблеме «наполнения» их качественным содержанием. В связи с этим не считается возможным устанавливать строгие временные рамки долговременных периодов развития («длину волны»). Цикличность признается только в смысле обязательной смены фаз периода устойчивого социально-экономического развития и структурных кризисов.

¹⁰⁹ Полетаев А. В. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. С. 50-51.

Существует общее согласие относительно того, что в последней четверти XX века наблюдается переход к новой стадии развития. Однако трактовки перемен существенно различаются, и в первую очередь в зависимости от выбора исторического «масштаба». Часть исследователей говорит о глобальных исторических изменениях, конце многовекового этапа общественного развития, переходе от индустриального, модернистского или экономического общества к, соответственно, постиндустриальному, постмодернистскому и постэкономическому обществу.

Постфордистские концепции сосредоточены на исследовании стадий развития «капитализма» и трактуют изменения как конец значительно менее длительного (около 50 лет) периода устойчивого социально-экономического развития, переход от фордизма к постфордизму. Суть подхода может быть сформулирована следующим образом: «История капитализма в мировом масштабе характеризуется последовательностью специфических социальных формаций, которые значительно отличаются друг от друга, основываясь тем не менее на неизменной базовой структуре (частное производство, наемный труд, присвоение прибавочного продукта посредством товарообмена), формами производства и эксплуатации, условиями социализации, классовой структурой, а также характером государственного и политического правления»¹¹⁰.

Исследование глобальных изменений в духе постиндустриальных теорий не противоречит подходу с позиций выделения менее протяженных стадий развития, хотя и неизбежно ставит вопрос о разграничении основных качественных составляющих постиндустриального и постфордистского этапа.

Видимость опасности для постфордистских концепций рассматривающих развитие в рамках «капитализма», создается дискуссиями о его «смерти» и переходе к качественно другой модели развития. Однако, во-первых, сами эти дискуссии еще не закончены, и некоторые авторы говорят о «постиндустриальном

¹¹⁰ Esser J., Hirst J. The Crisis of Fordism and the Dimensions of a Post-Fordist Regional and Urban Structure. P. 73.

капитализме», «дезорганизованном капитализме». Так, С. Лэш и Дж. Урри замечают: «В отличие от постиндустриальных комментаторов мы полагаем, что капиталистические социальные отношения продолжают существовать. Для нас определенный уровень накопления капитала является необходимым условием для эры дезорганизованного капитализма, в которой класс капиталистов продолжает доминировать»¹¹¹.

В принципе, устранение индустриального типа производства не подрывает «капиталистической» основы современного общества. Сам термин «индустриальное общество» говорит лишь о технологическом типе организации хозяйства. Напротив, термин «капитализм» подчеркивает основную общественную цель – накопление капитала, являющуюся императивом для всей системы.

Так например, возрастающее значение класса профессионалов и управленцев, или класса служащих, являющееся основным признаком постиндустриального общества, не только не препятствует процессу накоплению капитала, но напротив является для него функциональной необходимостью.

В своей концепции постэкономического общества В. Иноземцев¹¹² подчеркивает смену внутренней мотивации индивида: традиционный труд вытесняется творческой деятельностью, что приведет к изменению «движущей силы» всей системы, экономические мотивы перестанут детерминировать деятельность людей. Однако в последние десятилетия проявляется и целый ряд иных тенденций, связанных с коммерциализацией всех сфер человеческой деятельности, причем даже тех, которые изначально не были ориентированы на получение прибыли (спорт, искусство, наука). Предпринимательский дух характеризует сейчас не только развитие бизнеса, он проник во все сферы жизни. В связи с этим исследователи констатируют процессы комодификации культуры (*commodification of aesthetics*), стирающие

¹¹¹ Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. P.7.

¹¹² См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества.

традиционное различие между экономикой и культурой. Речь идет о возрастающей трансформации культуры и культурной деятельности, особенно отдыха и рекреации, в индустрию культуры, то есть в товар, продаваемый на рынке индивидуальным покупателям, которые, в свою очередь, рассматривают это «общение с культурой» скорее как потребление, чем как какую-либо другую деятельность¹¹³.

«Смерть» капитализма возможна лишь со «смертью» экономического общества (как оно описано у В. Иноземцева) и связана с деструкцией рыночного хозяйства, преодолением частной собственности, устранением эксплуатации и т.п. Однако сам В.Иноземцев пока предпочитает говорить лишь о «постэкономических тенденциях»¹¹⁴. Таким образом, даже если капитализм «умирает», переход к новой многовековой модели развития растянется не на одно десятилетие (или столетие), что позволит выделить возможно еще не один этап в его развитии.

В целом, следует признать, что в современной науке соотношение понятий «капиталистического», «экономического» и «индустриального» обществ не прояснено окончательно¹¹⁵. Наш общий вывод таков: невозможность окончательного решения на современном этапе фундаментальных вопросов о существовании или гибели «капитализма» не должна серьезно препятствовать исследованиям социально-экономического развития на более низком уровне абстракции (во временной перспективе около 50 лет).

¹¹³ См.: Уггу, J. The Tourist Gaze. London: Sage, 1990.

¹¹⁴ Об этом красноречиво свидетельствует подзаголовок его основной работы. (См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире.)

¹¹⁵ Следует отметить, что решение этого вопроса не являлось нашей целью, которая была значительно скромнее – обозначить место постфордистских концепций в футурологических дискуссиях.

2. Категории анализа

Теперь попытаемся реконструировать категориальный аппарат подхода в духе постфордистских исследований¹¹⁶.

Проанализировав общую терминологию исследователей, можно выделить несколько существенных научных категорий, по-разному именуемых и интерпретируемых различными авторами (см. табл. №6). Мы предлагаем остановиться на следующих категориях и их понимании.

Термин «режим накопления» отражает логику развития технико-экономической (производственной) системы, ориентированную на постоянное обеспечение накопления капитала. Его составными элементами являются:

- технология;
- организация производственного процесса;
- структура совокупного предложения (отраслевая структура);
- структура совокупного спроса (конечного потребления).

На пути своей стабилизации режим накопления сталкивается с целым рядом институциональных проблем, основными из которых являются:

- согласование структуры и объемов производства и потребления;
- разрешение противоречий (конфликтов интересов) между различными субъектами социально-экономической системы, достижение социального консенсуса.

Таким образом, встает вопрос о механизмах регуляции, призванных обеспечить согласованное развитие технико-экономической системы. Термин «регуляция» демонстрирует, как элементы экономических отношений встраиваются в социальную систему в целом, получая не только чисто экономическую, но и социальную интерпретацию.

¹¹⁶ В данной части работы представлена авторская интерпретация, как один из вариантов подхода в духе постфордистских исследований.

Приложение №6. Базовые категории анализа в постфордистских концепциях

Экономическая система	Институциональные механизмы	Историческая эпоха	авторы
Режим накопления	Структурные формы		М.Агльетта (1979)
Система накопления	Способ социальной регуляции	Режим накопления	А.Тиккель и Дж. Пек (1992)
Режим накопления	Способ регуляции	Модель (способ) развития	А.Липец (1993), Р.Буайе (1997)
Режим накопления	Социальный способ регуляции экономики + способ социетализации	Социальная формация	Б.Джессоп (1994)
Способ накопления	Метод регуляции	Гегемонистская структура	Й. Эссер и Й. Хирш (1994)
	Социальная структура накопления		Д. Гордон (1980)
Технико-экономическая парадигма	Социоинституциональное окружение		К. Фриман и Ш. Перес (1988)

В сфере регуляции предлагается использовать два термина, которые отражают два уровня регуляции – экономическую систему и общество в целом. Первый из них – «способ социальной регуляции экономики» (ССРЭ) (social mode of economic regulation), которым пользуется Б. Джессоп¹¹⁷, удобен в силу того, что отражает как характер, так и объект регуляции. Здесь можно выделить несколько основных «институциональных комплексов»¹¹⁸, существенно влияющих на процесс накопления. Речь идет об институциональной конфигурации:

- трудовых отношений;
- конкурентной среды;
- кредитно-денежной системы;
- государства.

Необходимо отметить, что целый ряд вопросов (формы собственности, методы управления, пропорции распределения прибыли между участниками экономической деятельности и т.п.) рассматриваются под разными углами как в терминах накопления, так и в терминах регуляции. В первом случае они анализируются как составные части производственного процесса и экономической системы в целом, во втором – как предмет борьбы за изменение институциональной конфигурации между различными социальными силами.

Другой важный термин – «социетальная парадигма» (СП), касается процессов социальной регуляции, выходящих за рамки только экономической системы. Речь идет о моделях массовой интеграции и социальной сплоченности на основе общности идеологий, ценностей, стилей жизни и т.п. Здесь могут рассматриваться: отношения гражданского общества с бизнесом и государством, различные идеологические конструкции (например, «национальная идея») или такой феномен как «общество потребления» (интерпретируемый как парадигма существования современного индивида), то есть механизмы, обеспечивающие единство общества. Таким образом, если

¹¹⁷ См.: Jessop B. Post-Fordism and the State. P. 252, 276.

¹¹⁸ В терминологии регуляционистов это «структурные формы». Однако термин «институциональные комплексы» кажется нам более удобным.

объектом «социального способа регуляции экономики» является преимущественно экономическая система, то для «социетальной парадигмы» таковым будет общество в целом¹¹⁹.

Потенциал режима накопления в полной мере может реализоваться только при адекватных ему механизмах регуляции. Это, однако, не означает, что каждому режиму накопления строго соответствуют определенные формы регуляции. Они могут существенно различаться (в пространстве и времени), в большей или меньшей степени раскрывая при этом потенциал режима накопления.

Относительно высокие темпы экономического роста и стабильность социально-экономической системы на определенном историческом отрезке гарантируются гармоничным сочленением режима накопления и способа социальной регуляции в обеих его составляющих (ССРЭ и СП). Эти эпохи устойчивого социально-экономического развития в постфордистских концепциях именуется по-разному: способ развития¹²⁰, режим накопления¹²¹, гегемонистская структура¹²² или социальная формация¹²³ и т.п. Однако чаще используются термины, характеризующие конкретные исторические эпохи («фордизм», «постфордизм»), что нам кажется более удобным¹²⁴. Таким образом, формируется целостная система категорий анализа (см. таблицу №7).

¹¹⁹ «Социальный способ регуляции экономики» и «способ социетализации» являются двумя составляющими широко используемого термина «способ социальной регуляции».

¹²⁰ См.: Буайе Р. Теория регуляции.

¹²¹ См.: Tickell A., Peck J. A. Accumulation, Regulation & the Geographies of Post-Fordism.

¹²² Esser J., Hirst J. The Crisis of Fordism and the Dimensions of a Post-Fordist Regional and Urban Structure.

¹²³ См.: Jessop B. Post-Fordism and the State.

¹²⁴ По нашему мнению в данном случае использование специального термина по сути дублирующего привычные выражения «историческая эпоха», «этап социально-экономического развития» и т.п. в данном случае не обязательно.

Приложение №7. Основные категории анализа (критический синтез)

Сфера	Термин	Основные составляющие
Накопление	Режим накопления	Технология, организация производства, отраслевая структура, структура конечного потребления
Регуляция	Способ социальной регуляции экономики	Институциональная конфигурация: трудовых отношений, конкурентной среды, кредитно-денежной системы, государства.
	Социетальная парадигма	Отношения гражданского общества с бизнесом и государством, идеология, стили жизни.

Вышеописанные категории, как правило, применяются к анализу отдельного национального государства¹²⁵. В этом случае для характеристики положения национального государства в мировой системе целесообразно использовать специальный термин «способ интеграции в мировое хозяйство» (СИМХ)¹²⁶, который предусматривающий рассмотрение места страны в международном разделении труда, внешней экономической политики государства и т. п.

Вообще постфордистские концепции можно на основании двух признаков, характеризующих преимущественные акценты исследований¹²⁷ (см. табл. №8):

- сосредоточенность только на экономических механизмах или также на социетальных;
- анализ на уровне национального государства или мировой системы.

Отметим, что в рамках постфордистских исследований в основном не разделяется предпосылка о том, что структура поддерживается полуавтоматически без эффективного социального действия. Именно поэтому вместо термина «воспроизводство» используется термин «регуляция», сочетающий в себе как процессы воспроизводства и саморегуляции системы, так и сознательные социальные действия – регулирование. В последнем случае речь идет не только о действиях государства, но и о действиях других субъектов социально-экономической системы, к анализу которых мы и обратимся.

¹²⁵ В то же время предпринимаются и попытки анализа мировой системы в целом (примером может служить термин «глобальный фордизм»).

¹²⁶ Регуляционисты используют термин «способ включения в международный режим».

¹²⁷ См.: Jessop B. Regulation Theories in Retrospect & Prospect. P.160-162.

Таблица №8. Фокусы постфордистских исследований и ключевые работы

Фокус	Экономический (способ социальный регуляции экономики)	Социетальный (социетальная парадигма)
Национальный	М.Аглиетта об американском фордизме (1979) Р.Буайе об «отношениях найма» (1979)	Й. Хирш о «германской модели» (1987) Д.Гордон о «социальной структуре накопления» (1980)
Интернациональный	А.Липетц о «периферийном» и «глобальном фортдизме» (1982, 1987)	Фундаментальные исследования только начинаются

Институциональную структуру нельзя рассматривать в отрыве от интересов различных субъектов социально-экономической системы. Количество этих значимых субъектов далеко не укладывается в классическую марксистскую классовую схему: «капиталисты» и «наемные работники». Отказываясь от радикального термина «классовая борьба», мы в то же время не отрицаем наличия серьезных противоречий между различными экономическими, политическими, социальными силами, которые мы будем называть – «группы интересов». Основные противоречия между ними и являются объектом социальной регуляции, а институциональная структура, в конечном итоге, – результатом борьбы, отражающим определенный баланс социальных сил.

В рамках современной экономической системы сложился комплекс постоянно воспроизводящихся противоречий¹²⁸, которые в первом приближении могут быть представлены следующим образом:

1. Экономические противоречия между:
 - малым и крупным бизнесом;
 - различными отраслями;
 - финансовым и промышленным капиталом.
2. Социальные противоречия:
 - распределение дохода и богатства;
 - формы собственности;
 - властные отношения на фирме.
3. Политические противоречия:
 - неравный доступ разных социальных сил к коллективному принятию решений (в контексте государства, самоуправления, политических партий и движений и т. п.);
 - неравномерное распределение власти, богатства, собственности между регионами.

С наличием этих противоречий тесно связано существование

¹²⁸ Наличие этих основных противоречий не зависит от того как мы будем именовать эту систему: капитализм, индустриальное и постиндустриальное общество и т. п.

относительно устойчивых «групп интересов», постоянно ведущих борьбу за изменение институциональной конфигурации, отстаивая свои интересы. Группы интересов являются своего рода коллективными субъектами социально-экономической системы. В качестве основных типов таких групп можно выделить капитал, наемный труд, государство и гражданское общество. Каждый из этих коллективных субъектов отстаивает свои интересы (см.: табл. №9).

Эта классификация достаточно условна она выделяет самые основные группы интересов и предполагает самый общий анализ. Каждая из выделенных групп может быть разбита на большое количество более мелких. Так, например, капитал может быть подразделен на лидирующие («локомотивы экономики») и другие (депрессивные) сектора, наемный труд – на квалифицированный высокооплачиваемый и малоквалифицированный низкооплачиваемый, государство – на центральную власть и регионы, гражданское общество – на политические и чисто общественные движения, не участвующие в борьбе за власть. В конечном итоге, глубина типологизации зависит от конкретных исследовательских задач и уровня анализа.

Для описания стратегических действий основных социальных сил по отстаиванию своих интересов, влияющих в конечном итоге на воспроизводство и трансформацию структурных условий накопления капитала, И. Джонсон использовал термин – «гегемонистская политика»¹²⁹. Этот процесс связывает институциональную структуру и социально-экономические интересы.

¹²⁹ См.: Jonnson I. Regimes of Accumulation, Microeconomies and Hegemonic Politics. // Capital and Class. 1993. №50. P.70.

Таблица №9. Коллективные субъекты социально-экономической системы и их интересы

Коллективные субъекты	Основные интересы
Капитал	Получение прибыли
Наемный труд	Получение средств, обеспечивающих достойную жизнь
Государство	Обеспечение сбалансированного социально-экономического развития
Гражданское общество	Реализация социальных (в том числе экологических) ценностей, игнорируемых другими субъектами

В результате борьбы на определенном этапе формируется «силовой блок» (power block)¹³⁰ или «исторический блок» (historic block), как исторически специфический баланс сил наиболее влиятельных групп интересов. В его недрах рождается «проект гегемонии»¹³¹, который:

- определенным образом разрешает (урегулирует) противоречия между различными группами интересов;
- продвигает долгосрочные интересы самых влиятельных групп (групп-гегемонов).

Проект гегемонии представляет собой проект социального соглашения, своего рода гипотетическую схему социального порядка на определенный промежуток времени, где обозначены основные экономические и социальные приоритеты общества и является также основой для формирования социально-экономической политики государства.

Вышеприведенная концепция «гегемонистской политики» И. Джонсона хорошо иллюстрирует соотношение «социальной структуры» и «социального действия» в историческом процессе. Существующие структурные условия (возможности и ограничения) определяют отношения (противоречия) между различными социальными силами (группами интересов), однако в долгосрочной перспективе в результате борьбы между ними эти условия изменяются, формируется новая институциональная структура. В этом смысле институты можно трактовать как «социальное перемирие», заключенное после периода конфликтов и сражений.

Сами термины («гегемонистская политика», «силовой блок», «проект гегемонии» и т. п.), по нашему мнению, не обязательны для использования, так как излишне перегружают анализ специфической терминологией.

¹³⁰ Ibid. P.70.

¹³¹ Ibid. P.72.

3. Основные методологические принципы

Наконец, хотелось бы остановиться на основных методологических принципах постфордистских исследований.

В процессе социально-экономического развития можно выделить две составляющие: воспроизводство и трансформацию. Воспроизводство обеспечивает преемственность и эволюционный характер развития, трансформация – качественные изменения, придающие ему скачкообразный характер.

Вместо бесплодных дискуссий о превалирующем характере того или иного процесса предлагается подход к анализу действительности, основанный на выявлении в ней элементов континуальности и качественных изменений¹³². Элемент преемственности в постфордистских концепциях подчеркивается тезисом об исторической обусловленности развития (path dependence), который может быть выражен двумя словами «история значима», а элемент качественных изменений – стадийным подходом к истории. Хотя все же подобный методологический принцип является скорее историческим, чем эволюционным, так как основан на выделении этапов развития.

В этой связи некоторые исследователи полагают, что термин «постфордизм» является вполне удачным, так как несет в себе существенные элементы дискретности и континуальности. Без первых он не был бы *пост*фордизмом, без вторых – *постфордизмом*¹³³. Таким образом, можно сказать, что постфордизм является результатом развития тенденций, зародившихся в самом фордизме, при этом знаменуя существенный разрыв с ним и разрешая противоречия, приведшие его к кризису.

В период стремительных перемен трудно говорить о будущем однозначно. Отказываясь от детерминизма,

¹³² В качестве примера подобного подхода см.: Cumbers A. Continuity or Change in Employment Relations? Evidence from the UK's Old Industrial Regions. // Capital & Class. 1996. №58.

¹³³ Jessop B. Post-Fordism and the State. P. 257.

принимается положение о многовариантности развития, поэтому большинство исследователей предпочитает говорить о тенденциях. Как правило, мы имеем перед собой несколько (часто противоположных) тенденций. Конкуренция между ними представляет собой, выражаясь словами Ф.Хайека, «процедуру открытия» пути развития.

Поскольку борьба между ними еще не завершена, наша задача сейчас заключается в том, чтобы попытаться определить какая из тенденций в наибольшей степени определит облик будущего. Однако при этом необходимо помнить, что основная тенденция действует не изолированно, на нее влияет целый ряд контр-тенденций, существенно искажая ожидаемый (чистый) эффект. Нельзя упускать из виду и реальные социально-экономические противоречия, порождаемых противоборством тенденций. Таким образом, вторым методологическим принципом становится подход к перспективам социально-экономического развития с позиций выявления тенденций и контр-тенденций и исследования сложного взаимодействия между ними.

Так как в историческом процессе можно обнаружить как универсальные (всеобщие) закономерности, так и особенности развития отдельных стран, регионов и т.п., мы должны фиксировать изменения не только во времени (стадии развития), но и в экономическом пространстве (национальные и региональные модели). Здесь также предлагается отойти от резкого противопоставления линейного подхода к истории, провозглашающего единый путь развития для всего человечества цивилизационному подходу, заиклившимся на поисках «особого пути». Более плодотворным представляется сравнительный подход к изучению процессов социально-экономического развития, понимаемый как выявление универсальных и особенных черт развития.

Таким образом, что касается каждой из трех вышеописанных дилемм, мы считаем, что стоит отказаться от попыток окончательного решения этих фундаментальных проблем в пользу выявления реального соотношения между указанными процессами в каждом конкретном случае.

Заключение

Постфордистские концепции не складываются в единую более или менее стройную теоретическую систему, а скорее являются отдельной областью дискуссий, открытой исследовательской программой. Объединяющим началом для различных концепций являются понятия «фордизм» и «постфордизм» как центральные категории, характеризующие этапы общественного развития. Таким образом, внимание сосредоточено на проблемах социально-экономического развития в долговременной перспективе.

В рамках научных дебатов можно выделить три основные направления: теорию регуляции, концепцию гибкой специализации и неошумпетерианские концепции, которые различаются по основному вниманию, сосредоточенному соответственно на институтах, рыночных изменениях, технологическом прогрессе и весу придаваемому идеям К. Маркса, А. Смита, Н. Кондратьева и Й. Шумпетера в общей институциональной перспективе.

В основе методологии исследования социально-экономического развития лежит выдвинутый К. Марксом тезис о центральной роли взаимодействия производительных сил и производственных отношений. В теории регуляции он отражается в категориях «режим накопления» и «способ социальной регуляции», у неошумпетерианцев – «техно-экономическая парадигма» и «социально-институциональная структура». В концепции гибкой специализации подобный подход представлен выделением двух «производственных парадигм» (массовое и ремесленное производство), доминирование каждой из которых зависит от «политических решений» и «институционального выбора».

Взаимодействие между этими категориями варьируется от выраженного технологического детерминизма у неошумпетерианцев, через взаимовлияние у регуляционистов, до доминирования специфических «исторических условий» и «политических решений» в концепции гибкой специализации. Тем не менее, важность институциональной подсистемы подчеркивается во всех трех концепциях, ее исследованию

уделено значительное внимание, что позволяет рассматривать постфордистские концепции как одно из направлений институционализма.

Гармоничное сочетание технико-экономической и институциональной подсистем гарантирует устойчивый экономический рост, его историческая и пространственная составляющие характеризуют соответственно определенный этап общественного развития и его страновые и региональные модификации. Таким образом, в концепциях ясно просматриваются исторический и социокультурный подходы.

Основной фокус различных исследований в области траекторий социально-экономического развития определен исходными методологическими посылками: теория регуляции сосредоточена на поиске новых механизмов регуляции (особенно нового институционализированного классового компромисса), концепция гибкой специализации – на способах реализации гибкой производственной парадигмы как наиболее адекватной реакции на рыночные изменения, неошумпетерианские концепции – на продвижении технологических инноваций, составляющих основу пятой кондратьевской волны (информационные технологии). Таким образом, соответственно подчеркиваются классовый, рыночный и структурный аспекты перемен.

Вопрос о стабилизации новой модели развития остается открытым. Одна часть исследователей вполне определенно говорит о составляющих нового режима (неошумпетерианцы, теоретики гибкой специализации), другая – видит настоящий этап как продолжающийся кризис, время экспериментов с различными стратегиями (большинство регуляционистов). Среди возможных стратегий выделяют неолиберализм, связанный с ведущей ролью рынка, неокорпоративизм, подразумевающий принятие важнейших решений в рамках замкнутых сообществ, и неостейтизм, основанный на активной роли государства.

Однако в целом постфордистские концепции не подобрали позитивного названия наступающей эпохе. Это свидетельствует о том, что основной структурообразующий признак новой

системы все еще не найден (приставка «пост» подчеркивает лишь разрыв с прошлым).

В идеологическом аспекте взгляды на перспективы развития в рамках постфордистских концепций варьируются от самых радужных (у неошумпетерианцев и теоретиков гибкой специализации) до крайне пессимистичных (у большинства регуляционистов). При этом сильна марксистская традиция, связанная с большей критичностью, подчеркиванием реальных противоречий, порождаемых социально-экономическим развитием.

Абстрагируясь от частных недостатков отдельных концепций, можно выделить наиболее критикуемые аспекты, характерные для постфордистских дебатов в целом. Наиболее обоснованной и плодотворной выглядит критика по двум направлениям.

Во-первых, критикуется концептуальный дуализм, выражающийся в избытке упрощенных бинарных противопоставлений (фордизм – постфордизм, массовое производство – гибкая специализация и т. п.), «загоняющий» существующее разнообразие в узкие рамки и подчас дающий карикатурное представление действительности. Действительно, трудно объяснить реальность, имея «под рукой» всего лишь два «идеальных типа» (хотя и подобные попытки достигли определенных результатов), по-видимому, стоит двигаться в направлении расширения типологии.

Во-вторых, некоторые авторы ставят под сомнение само выделение в истории четко выраженных этапов. Оставаясь на позициях стадийного подхода к истории, фиксирующего качественные изменения, отметим целесообразность усиления анализа с позиций континуальности (преемственности).

Постфордистские концепции работают на более низком уровне абстракции нежели постиндустриальные теории¹³⁴. Поэтому их периодизация социально-экономического развития

¹³⁴ В данном случае под постиндустриальными теориями мы понимаем весь спектр концепций связанных с выделением многовековых стадий развития: собственно теория постиндустриального общества, теория постэкономического общества, теория постмодернизма и т. п.

в XX веке (фордизм и постфордизм) имеет полное право на существование, независимо от решения фундаментальных вопросов о существовании «капитализма», соотношения этой категории с понятиями постиндустриального, постэкономического обществ и т. п.

Важной составляющей подхода является методологический холизм, акцент на институциональной структуре, коллективных субъектах исторического процесса в противовес методологическому индивидуализму.

Критически переосмыслив категориальный аппарат постфордистских концепций, мы предлагаем использовать в исследованиях социально-экономического развития такие основные термины как:

- «режим накопления», отражающий логику развития технико-экономической (производственной) системы (технология, организация производства, структура совокупного предложения и конечного потребления);
- «способ социальной регуляции экономики», призванный обеспечить согласованное развитие технико-экономической системы (институциональная конфигурация трудовых отношений, конкурентной среды, кредитно-денежной системы, государства);
- «социетальная парадигма», характеризующая процессы социальной регуляции в обществе в целом (отношения гражданского общества с бизнесом и государством, идеологии, социальные ценности, стили жизни);
- «способ интеграции в мировое хозяйство», характеризующий место страны в мировой системе (международное разделение труда, внешняя экономическая политика государства).

Институциональная структура рассматривается в контексте интересов различных субъектов социально-экономической системы. Основные противоречия между ними и являются объектом социальной регуляции, а сама институциональная структура, в конечном итоге, – результатом борьбы, отражающим определенный баланс социальных сил. В этом смысле институты можно трактовать как «социальное

перемирие», заключенное после периода конфликтов и сражений.

Важным методологическим принципом постфордистских исследований является принцип выявления в каждом конкретном случае специфических конфигураций (соотношений), образуемых соединением элементов континуальности и качественных изменений, тенденций и контр-тенденций, универсальных и особенных черт.

По нашему мнению, постфордистские концепции представляют определенный интерес для исследования социально-экономического развития России. Наиболее плодотворной видится попытка применения аналитических категорий теории регуляции (например, включение России в исследования национальных форм регуляции). Широкое поле для дискуссий открывается относительно вопросов: «Существовал ли фордизм в России?» или «В какой мере общий кризис середины 80-х годов содержит в себе составляющие кризиса советской системы и кризиса фордизма?». Концепция гибкой специализации незаменима при анализе «нового» частного сектора экономики. Рассмотрение с позиций постфордистских концепций еще целого ряда конкретных проблем, актуальных для России (глобализация, политика неолиберализма, изменение роли государства и т. п.), также может дать интересные результаты.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
2. Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ. М.: Научно издательский центр «Наука для общества», РГГУ, 1997.
3. Всемирная история экономической мысли. В 6-ти томах. Т.5. М.: Мысль, 1994.
4. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
5. Зенгенбергер В., Кенэ М. Роль активной отраслевой политики занятости // Общество и экономика. 1996. № 3-4.
6. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia – Наука, 1998.
7. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 7. М.: Политиздат, 1987.
9. Маркс К. К критике политической экономии. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 4. М.: Политиздат, 1987.
10. Полетаев А.В. Капитализм и рынок. Экономисты размышляют. М.: Наука, 1993.
11. Полетаев А.В., Савельев И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М.: Наука, 1993.
12. Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.
13. Силичев Д.А. Постмодернизм: экономика, политика, культура. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 1998.
14. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. Книга первая. М.: Ось-89. 1997.
15. Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991.

16. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.
17. Шевчук А.В. Национальное государство в эпоху постфордизма: перспективы и противоречия // Государство и экономика в переходный период. Сборник работ молодых ученых и аспирантов. / Под ред. А.А. Шулуца. М.: Академия труда и социальных отношений, 1998.
18. Шевчук А.В. Постфордистские теории (материалы к лекциям и семинарам). // Российский экономический журнал. 1999. №4.
19. Шевчук А.В. Фордизм как этап общественного развития // Труд и социальные отношения (Приложение). 1998. №3.
20. Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience. London: New Left Books, 1979.
21. Atkinson J. Flexibility, Uncertainty, and Manpower Management. Brighton: Institute of Manpower Studies, 1985.
22. Beynon H. Working for Ford. Wakefield: EP Publishing, 1975.
23. Boyer R. Wage formation in Historical Perspective: the French Experience. // Cambridge Journal of Economics. 1979. Vol. 3.
24. Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. N.Y.: Monthly Review Press, 1974.
25. Byrne D. Social Exclusion & Capitalism: the Reserve Army Across Time & Space // Critical Social Policy. Vol. 17 (1), Feb. 1997.
26. Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and Urban Regional Process. Oxford: Blackwell. 1989.
27. Cumbers A. Continuity or Change in Employment Relations? Evidence from the UK's Old Industrial Regions. // Capital & Class. 1996. №58.
28. Cities and Regions in the New Europe: the Global-Local Interplay and Spatial Development Strategies. / Ed. by M. Dunford. London: Belhalen. 1992.
29. The Economy in Question. / Ed. by D. Massey, J. Allen. London: Sage, 1994.
30. Elam M. Puzzling out the Post-Fordist Debate: Technology,

- Markets and Institutions. // Post-Fordism. / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
31. Esser J., Hirsch J. The Crisis of Fordism and the Dimensions of a Post-Fordist Regional and Urban Structure. // Post-Fordism. / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
 32. Freeman C., Perez C. Structural Crisis of Adjustment, Business Cycles and Investment Behavior // Technical Change and Economic Theory. / Ed. by G. Dosi. London: Frances Pinter, 1988.
 33. Globalisation, Institutions and Regional Development in Europe. / Ed. by A. Amin, N. Thrift. Oxford: Oxford University Press. 1994.
 34. Gordon D. Stages of Accumulation and Long Economic Cycles. // Processes of the World System. / Ed. by T. Hopkins, I. Wallerstein. Beverley Hills: Sage, 1980.
 35. Gramsci A. Americanism & Fordism // Selections from Prison Notebooks. London: Laurence & Wishart, 1971.
 36. Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford: Blackwell, 1989.
 37. Hall S. Brave New World. // Marxism Today. 1988, October. P. 25. №19.
 38. Hirsch J., Rouh R. Das Neue Gesicht des Kapitalismus. Hamburg: VSA Verlag, 1987.
 39. Jessop B. Post-Fordism and the State // Post-Fordism. / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
 40. Jessop B. Post-Fordism and Flexible Specialisation: Incommensurable, Contradictory, Complementary or Just Plain Different Perspectives? // Regional Development and Contemporary Response: Extending Flexible Specialization. London: Belhaven Press, 1992.
 41. Jessop B. Regulation Theories in Retrospect & Prospect // Economy and Society. Vol. 19 (2), May 1990.
 42. Jessop B. State Theory. Putting the Capitalist State in its Place. Cambridge: Polity Press. 1994.
 43. Jonnson I. Regimes of Accumulation, Microeconomies and Hegemonic Politics. // Capital and Class. 1993. №50.
 44. Kumar, K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New

- Theories of the Contemporary World. Oxford: Blackwell, 1995.
45. Lash S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1987.
 46. Lash S., Urry J. *Economies of Signs and Space*. London: Sage, 1994.
 47. Lipietz A. Imperialism or the Beast of the Apocalypse. // *Capital & Class*. 1982. №22.
 48. Lipietz A. *Mirages and Miracles: the Crisis of Global Fordism*. London: Verso, 1987.
 49. Lipietz A. *Towards a New Economic Order: Post-Fordism, Ecology and Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1993.
 50. Lovering J. *Theorising Post-Fordism* // *International Journal for Urban & Regional Research*. 1991. №2.
 51. Murrey R. *Life after Henry Ford* // *Marxism Today*. 1988. October.
 52. *New Times*. / Ed. by S. Hall, M. Jaques. London: Lawrence & Wishart, 1989.
 53. Peck J., Tickell A. *Searching for New Institutional Fix: the After-Fordist Crisis and Global-Local Disorder* // *Post-Fordism*. / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
 54. Piore M., Sabel C. F. *The Second Industrial Divide*. New York: Basic Books, 1984.
 55. Pollert A. *The Flexible Firm: Fixation or Fact?* // *Work, Employment & Society*. 1988. №3.
 56. Pollert A. *Dismantling Flexibility* // *Capital & Class*. 1988. №34.
 57. *Post-Fordism*. / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
 58. *Regional Development and Contemporary Response: Extending Flexible specialisation*. / Ed. by M. Meier. London: Belhaven Press, 1992.
 59. Sabel C. F. *Flexible Specialisation and the Re-emergence of Regional Economies* // *Post-Fordism: A Rider*. / Ed. by A. Amin. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
 60. Sassen S. *The Global City*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
 61. Sayer, A., Walker, R. *The New Social Economy: Reworking the*

- Division of Labor. Oxford: Blackwell, 1992.
62. Sayer A. Post-Fordism in Question // *International Journal for Urban & Regional Research*. 1989. №4.
 63. Sayer A., Walker R. *The New Social Economy: Reworking the Division of Labor*. Oxford: Blackwell, 1992.
 64. Scott A. *New Industrial Spaces: Flexible production Organisation & Regional Development in North America & Western Europe*. London: Pion, 1988.
 65. Scott A. Flexible Production System & Regional Development: The Rise of New Industrial Spaces in North America & Western Europe // *The International Journal of Urban & Regional Research*. 1988. №12.
 66. Steinmetz G. Regulation Theory, post-Marxism and the New German Social Movements // *Comparative Studies in Society and History*. 36 (1), Jan. 1994.
 67. Storper M., Scott A. Work Organisation & Local Labor Markets in an Era of Flexible Production // *International Labor Review*. 1990, №5.
 68. Swyngedouw, E. A. The Mammon Quest. Glocalisation, Interspatial Competition and Monetary Order: the Constriction of new Spatial Scales // *Cities and Regions in the New Europe: the Global-Local Interplay and Spatial Development Strategies*. London: Belhaven. 1992.
 69. Vroey de M. A regulation approach to interpretation of contemporary crisis. // *Capital & Class*. 1984. №23.
 70. *The Transformation of Work: Skill, Flexibility & Labor Process*. Ed. by S. Wood. London: Routledge, 1992.
 71. Tickell A. *The Social Regulation of Banking: Restructuring Foreign Banks in Manchester and London*. Unpublished PhD Thesis. School of Geography, University of Manchester, 1992.
 72. Tickell A., Peck J. A. Accumulation, Regulation & the Geographies of Post-Fordism: Missing Links in Regulationist Research // *Progress in Human Geography* 16 (2), 1992.
 73. Tolliday S., Zeitlin J. *Between Fordism & Flexibility*. // *The Automobile Industry & its Workers* / Ed. by S. Tolliday, J. Zeitlin. Cambridge: Polity Press, 1986.
 74. Williams, K., Cutler, T., William, J., Haslam, C. *The End of*

- Mass Production? // *Economy & Society*. 1987, № 16.
75. Wood S., Kelly J., Taylorism, Responsible Autonomy and Management Strategy. // *On Work. Historical, Comparative and Theoretical Approaches*. Ed. by R. Pahl. 1989.
76. Urry, J. *The Tourist Gaze*. London: Sage, 1990.